

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ МИЛУИМ

...Вот уже несколько дней мне очень хочется стрелкнуть из моей М-16ой. Не в кого-нибудь - куда-нибудь. Можно и просто, вверх. Согласитесь: ничего ненормального в этом нет, когда в руках винтовка, полный магазин, да еще пару запасных, что ж, не стрелкнуть-для чего тогда эта винтовка...

Но я не стреляю. Потому что знаю: выстрелю, начнется шухер, и все такое. Но еще пару деньков, и кто знает...Делиться с кем-то об этом не стоит-не то подумают. Лучше найти тихое, безлюдное место и немного пострелять. Но такого места тут нет-ты все время на виду. И на стрельбище нас тут не водят. Так что...

Когда год назад, я покидал эту арабскую деревню, я сказал себе: х... я сюда еще когда-нибудь вернусь! Зря говорил- на следующий год я снова сидел на железной скамье в кузове, крытой брезентом большой солдатской машины. Зажав между ног черную, с вставленным магазином, американскую винтовку М-16, я обозревал ту же природу. Окрестности, и вправду, были очень красивыми! Рядом и напротив, сидели еще таких же семнадцать милуимников. Машина ехала со скоростью пятьдесят км. час. Через дырку в брезенте видны были красноватого оттенка горы, и покрытые свежей зеленой растительностью лощины. Кто-то сказал: «Блин, смотри, как в Швейцарии» Кто-то спросил: «Ты там был?» Говорить было трудно, дорога была ухабистая.

Природа, окрестности...да, начхать! У меня были несколько причин, чтобы отмазаться от службы здесь. Но эти суки из «лишкат ха-гиуз» (военкомата), распорядились иначе.

Очень противный офицер, сказал-смотри, ты там уже был, тебе там всё знакомо, будет легче. И секретарше-запиши его туда. Но это место я совсем не полюбил, и сказал, что лучше не туда, совсем не туда. Этот толстый, противный пенек, посмотрел на меня и сказал - оставь эти глупости. На русский, если перевести: ну, что такого в фразе «оставь эти глупости»? Но на иврите это его «азов эт хаштуёт»- я не придираюсь- поверьте, прозвучало очень унижительно.

Я не удержался и сказал, глядя ему в глаза: «А если я не хочу «азов», и не хочу туда?!» Он посмотрел на меня с некоторым пренебрежительным любопытством, и довольно спокойно сказал: «Еще пару таких слов, и тебе будет обеспечены суд, и отсидка в тюрьме»!

Ситуация была херовой, я понял, что эта жирная сука не шутит - они все против меня, и мне ничего не светит. Единственное, что я мог себе позволить, это вслух

громко сказать: «Кус эммак!»¹ Но они на это никак не среагировали. Я повернулся и вышел.

Спросите меня- что мне здесь не нравится, чем тут плохо? И я не отвечу. Природа дивная, я уже говорил. И служба, в общем-то-спокойная. Но нахер мне эта природа! Нет, и не было мне здесь радости, ни эти одинаковые разговоры, ни пьянки, ни окружение. И все это должно повториться снова. В мозгу совсем некстати, вдруг произнеслась пушкинская фраза: «вновь я посетил...», и уле тела вместе с другими мыслями. Сознание переключилось на другое- как здесь будет на этот раз...

Да, так же, как и в прошлые разы. Потому что, тогда это была тюрьма, и сейчас, тюрьма. А я тюрь му не люблю по некоторым причинам. Я не говорил, что мы охраняли тюрьму?

В отличие от арабушей, мы не сидели в камерах, ходили куда хотели, но мы тоже были внутри. Серое, длинное, трехэтажное здание, с камерами, где сидели малолетки.

Малолетние, да, возрастом, до восемнадцати лет. Но когда их выводили в прогулочную зону, а мы сверху, с крыши казармы, около сторожевой будки, с оружием в руках, смотрели на них, на этих качков, на этих бугаев, мы понимали, что они - много опаснее взрослого мужика. Даже низкорослые, как будто специально выкормленные для злобы. И именно они, малолетки, были самые опасные в эти дни интифады- не дай Б-г попасться им на дороге, этим безбоязненным убийцам.

Тюрьма эта находилась под патронажем международного Красного Креста. Этим бугаям из-за их малолетства многое чего полагалось сверх обычных тюремных правил. Каждую неделю свидания с родителями, с принесенной жратвой. Двухчасовые прогулки. Причем, прогулочная территория была очень большой, и они могли заниматься там спортом, как показывают во всех американских тюрьмах. А мы должны были сверху, из сторожевых будок, на крыше наших казарм, наблюдать за ними, и охранять их.

Перечислю Вам своих товарищей, с которыми я уже проделал пару милуимов и с которыми снова тут. Все приехали на своих машинах. Амирам, Йоси, Борис, Дарэлл. Мы встретились у ворот, обня лись, как старые боевые товарищи, и вместе вошли в казарму.

¹ «Кус эммак» – мамы твоей п....(арабский)

Бросили китбэки под кровати, разложили в тумбочках вещи, и начались разговоры. С другими милуимниками, так тут называют резервистскую службу, я тоже где-то служил, но с Йоси, Бори сом, Амирамом, и Дарэллом, мы сблизились. Может, потому что больше всего вместе выпили водки.

Вошел жирный, высокого роста мужик, сказал-меня зовут Джорж, я буду вашим командиром. У него были сержантские лычки. И он мне почему-то сразу не понравился. Такая есть у меня «болезнь» - я сразу оцениваю незнакомого человека, и про себя выношу о нем свое мнение. Знаю, это не всегда правильно, были случаи, когда я ошибался, но это зэ ма еш (то, что есть). Забегая вперед, скажу -на сей раз я совсем не ошибся. Сами увидите.

Джордж спросил, кто с кем хочет дежурить? Йоси сказал – с Лазарем на крыше, с ним же, и с Амирамом и Борей, на воротах. Джорж хмыкнул, и сказал на плохом, но понятном русском-сколко водки вы будет пит на этот милуим?!

Он хотел нас удивить- у него это получилось. Интересно, откуда узнал, этот «польский» мудила эти слова?

Йоси, которому я дал кличку-«турок», потому что он из Турции, спросил меня: «Что он сказал?» Я перевел. Йоси сказал Джорджу на иврите: «Ата нэгэд?» (ты против?) Джорж ответил, ухмыляясь: «Мне, до фени, сколько. Лишь бы вы не делали мне проблем. Это ваше здоровье, вы его хозяева»

Амирам тогда сказал на своем, тоже не лучшем русском/грузинском: «Ана, что, нам, мама, да? Могитхан дэдас траки!»²

Так началась наша очередная милуимная служба. Была весна, еще шли дожди, но и жара начиналась. Поэтому водку держали в холодильнике. Все ждали приближающегося праздника, каждый надеялся, что ему повезет, и праздник он проведет за домашним столом. Все-таки, мы были не салагами, некоторым было даже за сорок, и так у нас было принято: милуимникам - «старикам» давали праздничный отпуск. Не всем, но каждый верил, что счастье выпадет ему. Уж не говоря о веских причинах, которые были у каждого. Да нам и обещали, что отпустят. Сменят на молодых садирников (срочников).

И вот теперь, выяснилось, что ничего подобного! Похоже на жалобу старого солдата-ветерана, сидящего с товарищами в залитых водой окопах, во времена русско-германской войны, в каком-то из романов Ремарка, да? Что-то похожее было: дождь фуючил по крыше помещения, и через трещины в потолке большими, частыми каплями проливался на кровати. И хоть прошла всего

² «Могитхан дэдас траки» - Его маму в ж....(грузинский)

неделя нашего тут пребывания, такая вдруг наступила апатия, что не ставили уже жестянок и не сдвигали кроватей. Всем хотелось домой, все уже по несколько раз звонили своим, строили планы, рисовали картины домашнего праздника—жена, дети, родственники, накрытый едой праздничный стол.

Глядя на этот их ажиотаж, мне хотелось громко сказать - «а вдруг не сменят?», но я понял, что лучше так не шутить- все были сильно возбуждены и можно было нарваться. Не знаю, я ли накаркал в своих мыслях, или где-то что-то не срослось, но ясно было, что праздничного стола нам не видать. И ничего нельзя было возразить, и нечем крыть, потому что интифада была в самом разгаре.

Мне, в общем-то, было до фени, у меня семьи не было, и не было этого их предвкушения праздника. Но домой я бы, конечно, поехал. Хотя бы, чтобы полежать в ванной, а не под душем здесь. Выпить можно было и тут, хотя мне уже стали надоедать здешние пьянки, и мои собутыльники.

Больше всего меня злило, что эти «сабры» возмущались только между собой. Я даже вслух сказал, что надо поднять базар и отказаться выходить на дежурства. Но эти мудаки посмотрели на меня, как на чужака – они не привыкли к неподчинению в армии, и не понимали, как это не выполнить приказ командира?!

Вместо этого они нашли другой способ—каждый начал высказывать вслух очень важную причину, требующую его присутствия дома, именно в этот вечер. У одного, например, было 4-ро детей, а у другого-шестеро, и один из них, узнав, что отец не приедет, «так сильно заплакал в трубку...».

У третьего, сильно заболела мать, жена, теща. У кого-то даже был слепой отец, и его жена уже устала водить его отца в туалет. Словом, у каждого была очень важная причина, почему им обязательно надо быть дома в этот вечер. И только у меня не было ни одной веской причины - все знали, что у меня нет ни жены, ни родителей. Кто-то даже сказал – тебе хорошо, у тебя нет жены, нет мишпахи.

Сказали не обидно, к тому же все были злы и нервничали сверх меры, поэтому я не стал лезть в бутылку. Да я и не строил никаких планов на этот праздник. Во всяком случае, вслух не говорил, не делился даже с Йоси. Я лег на кровать, повернулся лицом к стене, и про себя подумал - если бы меня отпустили, я поехал бы в одно хорошее место. Не домой, нет, а туда, где меня положат на чистые простыни, которые, кстати, всегда гладят утюгом, и я возьму в кровать почитать книгу. А могу и выпить чего-то хорошего перед этим, да, до черта чего хорошего можно было получить в этом доме.

В общем, они доболтались то того, что послали сержанта Джорджа, поговорить с командиром и уговорить его отпустить хотя бы троих, больше по их военным

расчетам было нельзя. Сержант вернулся и сказал, что с трудом уговорил командира на одного. Они и этому обрадовались, и решили сделать агралу (жеребьевку), чтобы ушел хоть один.

Все столпились вокруг Джорджа, который резал бумажки. Йоси присел ко мне на кровать, хлопнул меня по колену, и как-то криво улыбаясь, и показывая рукой на остальных, сказал, что хорошо бы ему Йосе, вытащить этот самый билетик. Потому что у его жены завтра-послезавтра, последний день, когда можно... Потом начнутся «красные дни», которые у нее длятся не меньше восьми дней, и он вряд-ли ее уговорит. Даже за долгие годы их семейной жизни, она так и не смогла привыкнуть...

С Йоси мы познакомились в моем первом милуиме, на мосту Адам. Это пограничный пункт между Иорданией и Израилем. Какой-то праздник у арабов был, когда они навещают своих родственников. Из Иордании шел бесконечный поток нарядно одетых жителей к родственникам в наши арабские города и сёла.

Милуимники были вспомогательной группой для служивших там садирников. В первый же день прибытия нам прочитали лекцию: как вести себя с этими арабами. Тогда как раз шла первая интифада, и нам вдалбливали быть супервнимательными, и подозрительными, и апропиационными, и...и...потому что враг хитер и изворотлив, не дремлет, и всё такое. Некоторые иорданцы могли спрятать на теле взрыватели, в чем нуждались террористы на нашей стороне.

Конечно, он был прав, этот офицер, но я тогда был еще свежим репатриантом, и не мог проникнуть в серьезность происходящего в стране. В общем, мне показалось, что он гонит «сорок бочек арестантов». Поэтому, когда он спросил: знает ли кто-то арабский язык, я сам не знаю почему, поднял руку.

Кроме меня, никто руку не поднял. Все обернулись на «русского», знающего арабский. Офицер спросил меня что-то по-арабски, я ответил какую-то тарабарщину, похожую на арабский. Он оценил мою шутку, не обиделся и сказал: «Будешь сидеть на проверке документов. Яалла!»

Мы сидели в огромном, типа, ангара, помещении. Я сидел сбоку молодого сержанта из персидских краёв, хорошо знающего арабский. Я его спросил: «Если ты из Ирана, значит, можешь знать персидский. А он, вроде, на арабский не похож, так?»

Он ответил, что, так, и язык он выучил на курсах, зная, что пригодится. И посоветовал учить и мне. Он был очень хитрый, как все персы. В этом я убедился чуть позже.

Мы проверяли документы у приехавших иорданцев. Те же арабы, но немного другие. Паспорт у них был очень красивый. Может, потому что у них есть король. Они и выглядели как-то импрозантнее местных. Мы проверяли мужчин, с женщинами работали солдаты.

Когда очередной иорданец подходил к нашему столу, кроме паспорта, он вытаскивал всё, что у него было в карманах. Такое было правило.

И вот очередной соискатель на переход границы стоял перед моим столом и протягивал мне свой паспорт. Мой «перс» в это время куда-то ненадолго удалился. У меня была шпаргалка, на которой было написано русскими буквами на арабском все нужные вопросы. Ответы в основном были простыми, и я их запомнил. Мне захотелось самому один раз проверить и пропустить кого-то через границу.

Я держал в руках его паспорт и спросил имя, фамилию, и пр. Он спокойно ответил. Это был мужик лет сорока, красивый, хорошо одетый, и очень доброжелательный. Он не заискивал как многие другие. Все у него было в порядке, и я уже хотел отпустить его. Когда он собрал свои вещи со стола и хотел засунуть их снова в карманы брюк, я заметил в руках у него зажигалку и попросил показать ее мне. Это была золотая зажигалка, на одной ее стороне было выгравировано, что американская компьютерная компания презентует ее Мухаммаду..... за его верную службу.

А в правилах перехода границы было указано, что никакие зажигалки нельзя иметь при себе. Это всё из-за интифады

Я сказал, это нельзя. Он извинился - эта зажигалка ему очень дорога, и он очень просит не забирать ее. Он добавил, что ничего опасного в ней нет, он может при мне ее разобрать, чтобы я убедился... Да я и сам видел, что он нормальный мужик, и никакой опасности ни в нем, ни в его зажигалке нет. И понимал, что зажигалка дорога ему не потому лишь, что она золотая. В общем, я был готов его отпустить с зажигалкой. И в этот самый момент подошел к нам милуимник, с которым я как-то разговаривал в столовой. Он попросил араба отойти в сторону, и сказал мне: «Я так понимаю, у тебя это первый милуим, да? Не буду много говорить, вижу, ты толковый парень и тебе не надо много объяснять. Не отдавай ему зажигалку. Я тоже вижу, что он хороший мужик, может, и безобидный. На их стороне, там написано, что можно и что нельзя. Он забыл-его проблема. Я сижу от тебя в трех метрах, и я увидел эту зажигалку. Может, еще кто-то увидел. Зачем тебе неприятности. Одно запомни: он араб, а мы-евреи. Понял? Позови его и без лишних рассуждений скажи ему: «Зажигалку запрещено. Я ее отбираю и бросаю вот сюда. Давай, яалла»

Я так и сделал. Говорил на английском. Чтобы араб не старался меня разжалобить, я сделал злое лицо, и почти не глядя на него, сказал, что он знал, что запрещено, и что я ее уничтожу. Он понял, что я настроен решительно и сказал, что жалко уничтожать такую зажигалку, и пусть я возьму ее себе, он даже будет рад сделать мне подарок.

Меня его слова даже разозлили. Ишь, какой добрый, дарит он мне... Я взял зажигалку и опустил ее в специальную стальную бочку, для такого рода предметов. На закрытой крышке была прорезь, куда можно было опустить все отобранное. На ней же было написано по - арабски, на иврите, и английском, что все предметы там находящиеся, в дальнейшем подлежат уничтожению путем взрыва. Симпатичный иорданец развел руками, сказал мне –гудбай, и пошел дальше к выходу.

Когда вернулся сержант, я рассказал ему об иорданце и его зажигалке. Сказал, что зажигалка была золотой. Перс похвалил меня, сказал, что мы, «русим» толковые ребята.

У него был ключ, которым он открывал крышку, чтобы в конце дня в присутствии еще пары солдат, извлечь из бочки все отобранное и уничтожить в специальном бронированном контейнере.

Йоси и был тем, кто дал мне тогда правильный совет. Он был очень похож на актера Роберта Рэдфорда. В столовой мы сели рядом и немного поговорили.

Может, наше знакомство на том бы и закончилось, если бы этому эпизоду не было бы продолжения. Когда я в тот же вечер зашел в наш туалет, и сел на стульчак, я услышал рядом в кабинке, как кто-то сказал-эйзе ёфи!³

Я стал ногами на унитаз и заглянул в соседнюю кабинку. Мой сержант сидел на унитазе и любовался золотой зажигалкой. Я тут же надел штаны, выбежал из туалета, зашел в наши комнаты, нашел Йоси, и рассказал ему про сержанта. Йоси улыбнулся, сказал-эйзе хара (гавнюк какой)⁴, и мне-пошли. На нашу удачу, когда мы вошли в туалет, сержант выходил из своей кабинки.

Йоси сказал-держи его, а сам быстро залез в карман сержанта и вытащил зажигалку. Красиво, да? Так и было: хитрый перс не успел даже среагировать и сопротивляться. Он сразу всё понял. Сделал такой жест головой-мол, всё ясно, и спросил нас: «Ну, что будем делать дальше?»

Йоси сказал, что зажигалку мы сейчас уничтожим при нем, а он за наше молчание, будет каждую пятницу опускать домой.

³ «Эйзе ёфи»- какая красивая! (иврит)

⁴ «Эйзе хара» - какой гавнюк! (иврит)

Так мы сблизились, и каждую пятницу и субботу были дома. Я с ним прошел еще один милуим, и мы сдружились. И когда мы оба попали сюда, мы с ним очень тепло встретились.

Армейскую шапку с нарезанными бумажками положили на кровать и стали запускать туда руку. Я решил не участвовать в жеребьевке. Домой хотелось, но глядя на весь этот ажиотаж, мне стало противно. Да и везучим меня не назовешь. Но когда пришла моя очередь, неожиданно для себя, я тоже сунул руку в шапку, вытащил бумажку и не удивился, что пустышка.

Повезло религиозному Эдри, у которого было шестеро детей. Он и ушел. «Бог не фраер, он все видит!», - сказал Боря громко и по-русски. Все поняли и засмеялись. И сразу наяр спал, все, кто не шел на дежурство, успокоились и пошли отдыхать.

И я еще больше презирал их, этих израильтян. Я думал они возмутятся, поднимут бучу-ничего подобного. Ну, да, я их не понимал, я не рос с ними, не служил срочную службу, не воевал, и, в общем, не съел пуда соли. Понимаете? И хоть мы все были израильтянами, все на своей родине, я ещё был тут чужой.

Не все с которыми меня свела эта служба родились здесь. Эдри был «марокканец», Коби-«перс», Нахум- «теймани», Ярон-«ираки», Джордж-«полани». А подразумевалось, что будем петь одну, общую израильскую «песню».

Но я, видимо, все еще оставался «совком». Разумеется, тут никто не мог сказать мне жид, и это меня радовало. И все-таки, поздновато я приехал сюда, надо было еще совсем молодым. Эх...

Только к Йоси, который воевал, и был несколько раз ранен, и к Боре, который был тоже «русский», я относился нормально. Ну, еще, Амирам и Дарэлл.

Это был мой четвертый милуим, и второй здесь. Мне не хотелось лежать, и я пошел на вахту. В телевизионной комнате собрались те, кто уходил домой – они проходили инструктаж на тему: «как безопасно добраться домой». Вел ее молодой подполковник моих лет, которого я тут никогда раньше не видел. Этот «хлыщ», так я его сразу прозвал про себя, со своим элитным красным беретом, на красиво стриженной голове, сидел, развалился, на стуле, и глядел на свои сверкающие красные ботинки. Изредка поднимая глаза, он длинно, скучно и монотонно долбил, как дождь по крыше, этим счастливчикам: не садиться к подозрительным водителям–могут быть переодетые арабы, и осторожно водить машину, чтобы живыми добраться к своим детям и женам. Не было сил это слушать, я вышел во двор и пошел в казарму. По дороге я подумал: «Ну, а с другой стороны, что я присрался к этому подполковнику. Он моих лет, значит,

воевал тут на всех войнах. Он десантник, но служит тут. Значит, был серьезно ранен. Ну, и чем он плох?» Конечно же, я просто придираюсь к нему, потому что мне, как многим «русским», не все здешнее, восточное, нравится. Мы все, или почти все-«совки», мы навсегда испорчены этой ё...советской жизнью. У нас ущербная ментальность. Потому, например, что джинсы, которые в мое время, всем хотелось иметь, стоили твоей зарплаты. А для моих израильских сверстников это были просто рабочие «леви-стресс». А они мне все равно не нравятся. Не все, правда, не все. У меня даже есть несколько приятелей, коренных израильтян. И вот, тот же Йоси, мне нравится.

В таких мыслях шел я в казарму и навстречу мне шел Йоси. Он был очень расстроен. Вчера он обещал жене сделать все, чтобы воспользоваться последней возможностью, которую давал им этот день. Йоси побывал уже на трёх войнах, и его жена должна была бы привыкнуть к его долгому отсутствию, но все равно не привыкла. Чтобы как-то скрасить оставшуюся часть дня и наступающий вечер, мы решили немного выпить. У Амирама был ящик «Голдовой». Он был запасливый.

Пить пошли на крышу, где Йоси заступал на дежурство. Позвали свободных, и Борю. Выпили как обычно, но Йосю, видимо, от расстройства, сильно развезло, и он вскоре заснул. Пришлось затащить его в сторожевую будку, чтобы не увидели с других вышек. На всякий случай я остался на крыше подежурить за него, а остальные сошли вниз. Боре через час было дежурить тоже на крыше, и он попросил меня разбудить его. Было жарко, мне после выпитого тоже хотелось спать, но я крепился.

Разбудил меня Амирам. Скаля золотые зубы, он сказал, что хорошо он поднялся на крышу, а не кто-то из этих, из военной полиции. Потому что двое спящих на посту, это уже точно на пару месяцев тюрьмы. Мы стащили все еще спящего Йосю вниз и уложили на кровать.

Разбудить Борю было невозможно. Наверное, от того, что пили на крыше, где жарче, его тоже развезло. Боря не вставал, только мычал и мотал головой. В конце концов, мне пришлось идти за него. Напарником Бори был «американец» Марк, который должен был сидеть на другом конце крыши. Он спросил – где Борис? Я сказал ему, что Боря немного заболел, перегрелся, и что я подежурю за него. Когда мы поднялись наверх, я сел в будку и почувствовал, что снова хочу спать. Я сказал, Марку, что мне тоже нездоровится, и я немного посижу в будке с закрытыми глазами. Если будет «шухер», пусть Марк мне тут же крикнет. Марк сказал о-кей. Он был очень дружелюбным малым и никогда не возражал.

Сидя спать в теплой будке было не очень удобно, но я, видимо, все-таки заснул. И проснулся оттого, что Марк тряс меня за плечо. Он сказал -ему показалось, что может быть проверка. Я сказал, о-кей, Марк, спасибо, и вылил себе на голову всю фляжку. Вода была теплой, но сон прошел. Через пару минут я понял, что Марк разбудил меня, потому что ему стало скучно одному. Он сел напротив и стал задавать вопросы на тему—как русские евреи относятся к Щаранскому? Из-за его доброты трудно было послать его на...Мне пришлось что-то отвечать на его дурацкие вопросы. Через час я уже чувствовал, что могу его убить. Я встал, и сказал, что иду в туалет.

Мне повезло, на этот раз Боря проснулся сразу. Видимо, ему как раз хватило еще одного часа. Виновато благодаря, и смеясь моему рассказу, он пошел на дежурство отвечать на вопросы Марка. А я упал на кровать и провалился в сон.

Но спал почему-то недолго. Мне снился сон, что у меня родилась девочка. И я этому очень обрадовался. Но никак не мог придумать ей имя, и вспомнить, как зовут жену, чтобы посоветоваться с ней.

Станный сон, у меня в это время не было даже невесты. Девушка была. Но не невеста. Сон я не досмотрел. Он прервался, и я проснулся. Мне было жаль-сын у меня уже был. А вот девочка, о которой я мечтал, когда еще будет, и будет ли вообще...

В комнате спали еще трое солдат. Я встал, умылся и вышел. Мне захотелось пройтись «по местности», как Боря называл этот ё..... лагерь, который был сейчас пустым. Начальство уехало, остался только старший дежурный офицер, его заместитель, и следователи друзья. Кроме нас, оставшихся солдат, были еще охранники из военной полиции, которые жили в другом крыле. Всегда тут было неуютно, а сейчас еще больше. Но скоро гулять расхотелось, и я вернулся в комнату. Когда проходил мимо двери, обратил внимание- на стене выцарапана надпись «од ём...», на которую никогда раньше не обращал внимания. А сейчас обратил и про себя сказал — еще один день? Ха, как же!

Все верно, будет еще один день, и еще один, и...Так пройдет эта служба, и наконец, мы поедем домой. Так и жизнь пройдет, мелькнула у меня такая мысль, но это еще когда будет! В это я не верил.

Вечером мы с Йоси дежурили на воротах. Водки осталось немало, но еды не было. Амирам с Коби поехали за едой. Как никак, был праздничный вечер, и надо было его справить. Конечно, пост у ворот не самое лучшее место для выпивки, даже если и нет большого начальства. С другой стороны, с этого места лучше всего обзревается все пространство двора, и проще заметить «шухер», когда он только наступает.

Мангал установили за будкой. Через час вернулись Амирам и Коби. Когда стемнело, подошли все, кто был свободен от дежурства. Дарэлл и Штайнер, Боря, Ежи, Эдри. Уголь раздули вентилятором, и Штайнер стал жарить стэйки. Столом поставили большую катушку от кабеля, которая уже давно лежала у ворот.

Первую выпили за наступающий, вторую—за семью, потом за жизнь, страну, жен, друг, и прочих. Когда уже собрались выпить пятую или шестую, откуда-то из темноты вынырнули дежурный офицер с сержантом. Никто не заметил, как они подоברались к нам. Расслабились, видимо... Офицер поздравил нас с праздником, спросил, как бы, между прочим, не забыли ли мы, что дежу́рим у ворот, и помним ли еще пароль?

Если бы не праздник, он бы нас, конечно, вздрючил. За то, что пьем, да еще у ворот. Этот пост на всех военных объектах всегда главный. Но он понимал, что мы, старики, сейчас бы лучше сидели дома с семьей, чем тут, у ворот. Поэтому он, чтобы мы не забыли, что дежу́рим у главного поста, ограничился только паролем. Амирам, всегда любил пошутить, и не всегда вовремя. Сквозь свои золотые зубы сказал—сисма, «Голд». Офицер услышал, затем повернулся, и они ушли.

На самом деле он сказал полную чепуху, «Голд» называлась водка, которую мы пили. А пароль был — «бли каду́рим» (без патронов). Мы очень удивились — не могло быть так, чтобы офицер его не знал. Может, он тоже выпил по поводу праздника? Но нет, такого не бывало в израильской армии. Амирам снова пошутил, что для нас теперь «парол только «Голд», но его никто не поддержал. Все, кроме меня, Бори, и Амирама, служили тут срочную, и так не шутили. Пароль для них было дело сугубо военное, нешуточное. И были правы. Потому что через пару минут тот офицер вернулся. На этот раз с ним были еще два друга, тоже офицеры, и сержант, но уже из военной полиции.

Глядя на Амирама, который поставил стакан на землю, он попросил его снова назвать пароль. И этот мудила, вместо того чтобы просто сказать пароль, сказал: «А зачем тебе, хабиби, два раза сказать пароль, у тебя что, память плохая?» Но Йоси встал, и сказал офицеру правильный пароль—«бли каду́рим». Офицер кивнул головой, и, уходя, сказал нам, чтобы мы не забывали, где мы дежу́рим. Все мы сказали, «бэсэдэр». Йоси, когда они ушли, сказал Амираму, чтобы он больше не ерничал. Тот согласился.

Из-за этого происшествия наше застолье немного сбилось. Но никому не хотелось его прерывать, потому что уйти можно было только в комнату, спать. Или на дежурство, чья очередь была. Поэтому все постарались поскорее забыть

про шутку с паролем и решили еще раз выпить. И еще раз. А потом уже пошло-поехало. Штайнер просил Дарэлла не разбавлять водку колою, но англичанин не соглашался. Потом еще кто-то, кажется, «поляк» Ежи, который всегда, когда выпивал, переходил на русский, сказал – Дарэлл, блад! – курва пшеклента, пей блад, чиста вудка! Еще он сказал, чтобы Дарэлл сел, и пил, как все, сидя.

Дарэлл пил всегда стоя. Еще он учил русский у себя в Англии, малость подзабыл его, но любил материться по-русски. Он взял бутылку, налил себе грамм сто, и сказал по-русски: «Бляд, руски, выпей курва, водка!» – и залпом выпил.

Ему захлопали. И зря, потому что Дарэлл вскоре опьянел и сильно шатался. Я пододвинул ему стул и усадил его рядом. Все знали, что Дарэлл педрила, он не скрывал этого, и его вслух никто не презирал. Потому что он был, во-первых, очень накачан, во-вторых, вел себя с большим достоинством, и умел держать дистанцию. Со мной он общался больше других. Он был по профессии звукооператором и рассказывал мне, что был любовником Дэвида Боуи и еще нескольких музыкальных знаменитостей.

Когда он присел, он уперся спиной в ствол дерева чтобы не упасть, и сказал: «Блади факэн, этот польский мудака, все-таки расколол меня». Через минуту он уже спал. Штайнер сказал, что пойдет в казарму и попросит Джорджа сменить ему напарника. Потому что Дарэлл никакой, и с ним нельзя дежурить у ворот. Вскоре он вернулся и сказал, что Джордж ему ответил - у него нет свободных людей, и, что «болезнь» Дарэлла ему известна. И пусть Штайнер, если хочет выручить Дарэлла, сам уговорит кого-то поменяться дежурством. Штайнер сел, помолчал, потом налил себе половину стакана сладкого субботнего вина, добавил грамм сто водки, и сказал- хара. Мы с Борей, когда увидели эту смесь, переглянулись, и Боря меня спросил – не помню ли я, был ли такой коктейль у Венички? Я сказал, что, точно-нет, потому что у Венички не было субботнего вина. Боря на всякий случай сказал Штайнеру, чтобы тот поостерегся пить эту смесь. Штайнер посмотрел на спящего Дарэлла и сказал, что он - не Дарэлл. И выпил. Когда он повторил еще раз этот «номер», Боря сказал мне-Штайнер, наверное, делает это не в первый раз, и знает, что делает.

Все уже были пьяны, и каждый рассказывал про свое. Амирам про Грузию, Йоси про Турцию, Боря про самолеты, Штайнер еще про что-то, нечленораздельно.

Дарэлл продолжал спать, угли догорали, было уже почти 12 ночи. Наше дежурство кончалось. Нас меняли Штайнер и Дарэлл.

Дарэлла разбудили, и он выглядел довольно бодро. А вот Штайнер был пьян в жо... Его «коктейль» сработал, и он «не вязал лыка». Его надо было кем-то

заменить, но не было кем. Все выходили на свои дежурства, а нас с Йосей дежурить по новой никто попросить не мог, хотя мы держались чуть лучше остальных. Штайнера просто затащили в будку и привалили спящего к стенке. А Дарэлл сел около будки и сказал, что пусть Штайнер поспит немного, а потом он его разбудит. Амирам спросил Дарэлла, не заснет ли он снова, как Рэмбо? Худого Штайнера в шутку иногда называли Рэмбо. Дарэлл ответил на английском: «Донт вори, Амирам-бой».

Мы ушли. Потому что всем, кроме нас с Йоси, надо было на дежурство. А нам спать, потому что мы, все-таки, были пьяными.

Дарэлл заснул, вероятно, очень скоро после нашего ухода. Мы об этом узнали утром- пришел к ним один из военной полиции и рассказал, что кто-то из офицеров-друзов возвращался ночью из арабской деревни, и долго сигналил из машины. Ворота ему никто не открыл, тогда он пролез под проволокой, порвав при этом свою кожаную куртку. В будке он увидел сидящего на стуле с опущенной головой Дарэлла, и подумал, что того подрезали арабы. Он стал щупать тело Дарэлла, чтобы найти, куда вошел нож. И разбудил его. Дарэлл взглянул на него и спокойно сказал: «Вот ду ю вонт, хабиби?»

Друз спросил его – почему он спит на посту? Дарэлл ответил, что он не спит, а думает. А сидит он потому, что он долго ходил, и у него заболели ноги. Затем друг спросил - где его напарник? Дарэлл неопределенно кивнул головой.

Штайнера нашли спящим за будкой. Он спал, опершись об винтовку, и когда друг попытался вытащить ее из - под него, Штайнер, видимо, чтобы доказать свою боеспособность, не дал ее вытащить.

Штайнера и Дарэлла заменили кем-то из военной полиции, и повели их в помещение, где друзья допрашивали арабов. Там на полу они мгновенно заснули.

Им грозил суд. Друз, что порвал куртку, написал докладную и отдал ее дежурному офицеру. Джордж сразу завопил, что он предупреждал...что ему тоже нагорит...и что все это потому, что в отделении нашем бардак и никакой ответственности. И почему никто из «русских» не предупредил Штайнера - не пить водку с вином? Но этот Штайнер думает, что он умнее всех...

Боря попросил Джорджа не продолжать тему. Стали думать, что делать? Йоси, матерясь, позвал меня, и мы пошли к дежурному офицеру.

«Друзы подняли большой базар, - сказал офицер, - они ведь очень бояться мести арабов. Их россар говорит, что их жизнь была в большой опасности, потому что мы окружены арабами. И он прав. Они настаивают на суде».

«Ну, заснули, да, но ты же знаешь почему, - сказал Йоси офицеру, - потому что людей не хватает, и мы измучены дежурствами. У Штайнера пятеро детей, и ты его под суд? Да насри ты на друзей, такие же арабы. Я с ними поговорю, и они ребят отпустят. И не будут ерепениться. Ладно?».

«Если ты уговоришь его забрать и порвать это заявление, я, так и быть, тоже смолчу. Он должен прийти сюда и при мне порвать заявление. Тогда...». Йоси махнул головой, соглашаясь с офицером, и мы пошли к друзьям.

Друзы долго не соглашались. От нас с Йоси после вчерашнего сильно несло, и друзья, которые никогда не пили, разговаривая, отворачивались. Уже были исчерпаны все доводы, и Йоси даже начал повышать голос. Мне тоже перестали нравиться друзья, особенно один из них, который вдруг сказал: «Если бы какой-нибудь умный араб также пролез под проволокой, он бы перестрелял и евреев и друзей! И мы бы сейчас здесь не разговаривали!»

Друзов арабы очень не любили за предательство их веры. И быть убитым своими бывшими «братьями», видимо, было для друга позорно. Услышав такое страшное предположение, они разом все загладели и что-то заготовили на арабском. Получалось, что нам ничего не светило, а ребятам -суд.

Йоси, чтобы как-то польстить друзьям, сказал, что арабы не такие умные как друзья, и неспособны на такую смелость. Но это не сработало. Потом молодой друг сказал, что израильские солдаты стали пить на посту с тех пор, как появились «русские», и что Штайнера и Дарэлла надо судить, чтобы другим неповадно было. Тут Йоси взорвался. «Ты, бэн зона, заткнись, ты еще щенок, а у Штайнера 8 детей, и ты его под суд хочешь? И что ты с этого поймеешь? Он работает, как лошадь, и даже в праздники он должен торчать здесь! Ты тоже в свои праздники торчишь здесь, а?»

Йоси, молодец, прибавил Штайнеру троих детей, чтобы произвести впечатление на многодетных друзей, но его гневная речь не произвела на них должного впечатления, и не продвинула «дело» Штайнера и Дарэлла» к миру и свободе.

Мы с Йоси переглянулись, и поняли, что надо уходить. Напоследок Йоси сказал, что друзья загоняют двух своих товарищей по оружию, как охотники волков. Их россар, по имени Гадир, услышав эту фразу, вдруг среагировал и спросил - откуда Йоси знает, как загоняют волков? Йоси кивнул на меня и сказал, что я охотник и рассказывал ему об этом. Гадир отодвинул стоящего около меня молодого друга, и заинтересованно спросил меня, где я охотился на волков?

После моего ответа, выяснилось, что Гадир страстный охотник и мечтает поохотиться на волков, о чем, где-то, когда-то, читал. Я сказал, что приглашаю его в свой Новосибирск, где мы можем славно поохотиться на волков. Друз

принял мои слова за чистую монету, очень разволновался по этому поводу, и даже пожал мне руку. Затем он сказал, что они здесь тоже охотятся, и пригласил меня хоть завтра пойти с ними. Друзы охотились на дикобразов, которые водились в ложине недалеко от лагеря. Я сказал, что заметано. А Йоси хлопнул Гадира по плечу, сказал, что тот должен быть ему благодарен за такой подарок и как-бы между прочим спросил – что будет с ребятами? Друз что-то сказал своим товарищам, те кивнули головами, и друг сказал, «что бэсэдэр» и все забыто. Йоси пожал ему руку и сказал, что надо забрать назад рапорт. Друз сказал, что попозже зайдет на вахту и сделает это. Йоси обнял его за плечи и сказал, что это надо сделать сейчас. И добавил, что мы, если Гадир не против, проводим его к офицеру. Друз посмотрел на Йосю, рассмеялся и сказал – ялла! Йоси хлопнул его по плечу, и мы пошли к офицеру.

«Как бы они не пристрелили тебя на этой охоте, - сказал мне Йоси,- когда мы шли к себе, на кой тебе идти с ними, я им не верю. Такие же арабы...». Я сказал, что могут, но вряд ли рискнут, и что я сильно соскучился по охоте, пусть даже на дикобразов.

В казарме на нас посмотрели, как на марафонских гонцов. Йоси сказал-сидарну (все устроили).

У Штайнера был смущенный вид, он подошел к Йоси и обнял его. Потом обнял меня. Дарэлл пожал руку Йосе, а меня похлопал по плечу. И сказал, что видел во дворе у друзей нескольких арабов, сидящих на коленях на камешках, у которых глаза были завязаны тряпкой, которыми мы чистим оружие.

«Да они, суки, их так держат часами на солнце с завязанными глазами, пока те не сомлеют, и потом их допрашивают», - сказал Йоси. «С каких это пор, тебе стало жалко арабов?» – спросил с насмешкой Джордж, который был недоволен тем, что мы с Йоси, а не он, старший, смогли уладить проблему.

«Мне арабов не жалко, но друзья ведут себя с ними, как фашисты, и это противно. На допросах они их истязают, а это запрещено. Они имеют дело с подростками, которым нет еще 18 лет».

«Эти сучьи подростки запросто кокнут тебя, когда ты будешь ехать домой. А ты их жалеешь». – сказал проснувшийся Ежи.

«Сейчас речь идет не об арабах, а о друзьях, - сказал Йоси, - с арабом, который нападет на меня, пусть даже это будет пацан, я разберусь с помощью своей винтовки. А в друзья я не могу стрелять, друзья служат в нашей армии»

«И делают за нас немало «грязной» работы, - подключился к разговору Штайнер, -но я тоже не люблю друзов. Сука этот, Гадир, не мог нас просто разбудить?»

«И принести крепкий, дружский кофе, чтобы вы снова не заснули, да?», - дружелюбно сказал Джордж, которому не было смысла ссориться.

В общем, напряг прошел. Всем хотелось еще поговорить, про то, как Штайнера и Дарэлла застукали на посту, но Йоси неожиданно для всех сказал Джорджу, что он, пожалуй, на ночь отвалить домой. Йоси сказал это тихо, но все услышали и замолчали. И посмотрели на Джорджа.

У которого лицо сделалось еще глупее, чем обычно. «Как это, отвалишь?»- спросил Джордж. Йоси объяснил, что после дежурства, которое у него закончится в шесть часов, он сядет в машину и поедет домой. Следующее его дежурство только утром, так чего ему тут торчать? А так, он съездит домой и успеет еще поспать с женой, у которой завтра начинаются месячные. И вернется утром.

Всё это Йоси говорил, глядя Джорджу прямо в глаза. Видно было, что он не намерен отказываться от своего желания. Джордж был большой бздун, но ему не хотелось терять авторитет. Тем более, что Йоси заявил это при всех. Не попросил, а сказал, как решение, которое не обсуждается. В заплывших от жира глазах Джорджа появилась какая-то мысль, он начал думать. Вероятно, он искал вескую причину не допустить такого самоуправства. Но Йоси решил добить его и сказал, что так может делать в эти праздничные дни, пока нет большого начальства, каждый из нас. И если даже кто-то опоздает, то его, конечно же, подстрахуют его товарищи. Так? На этих словах Йоси посмотрел на остальных.

Всем эта мысль очень понравилась, и теперь все смотрели на Джорджа, положение которого ухудшилось с этим новым Йосиным предложением.

«Вы все побываете дома, а я нет, потому что у меня нет машины», - сказал Джордж. «Кто ж тебе виноват, что ты жалеешь свою машину и не берешь ее в милуим», - сказал Ежи, который уже видел себя дома.

«А что будет, - спросил Джордж Йоси, - если ты почему-то опоздаешь? Отвечать в первую очередь мне, старшему». На что Йоси сразу ответил, что его подстрахует Лазарь.

«Разумеется», - сказал я, как будто мы уже давно договорились с Йоси. И все разошлись, кто спать, а кто на дежурство.

Утром Йоси не приехал. Все, кто был в комнате, удивились, потому что Йоси прошел три войны, и был ответственным человеком. Джордж забздел еще

больше, но, тем не менее, был этому очень рад. У него появился повод отменить эти самовольные отлучки, и он принялся громко вопить о том, что- сколько не делаешь ближнему хорошего, получаешь говно! Но никто его не слушал- хоть опоздание Йоси могло лишить всех возможности отвалить. И все огорчились.

Я спал всего час после дежурства, когда меня разбудили и сказали, что Йоси не приехал. Тут огорчился я. Но вида не показал, встал, оделся, помыл лицо и спросил—где у Йоси дежурство? Джордж сказал, что на воротах, и что он умоляет меня не заснуть. Я взял винтовку и вышел. Утром у ворот дежурили по одному.

Йоси приехал через 2 часа. На воротах он мне рассказал - когда он приехал, у них еще сидели родственники жены. Увидев внезапно появившегося Йоси, они так обрадовались, что просидели еще часа четыре. «Турки недогадливые».

Ему ничего не оставалось, как сидеть с ними и пить араку. Он так расстроился невезению, что с досады выпил больше, чем собирался. И когда они пошли, наконец, в спальню, он, помывшись первым, лег.

И, ожидая жену, заснул. Она, когда пришла, пожалела его и не разбудила, дура. И только в 8 утра он проснулся, обалдел, что ничего не сделал, и тут же повернулся к жене. И давно уже не было у них такого, чтобы он, почти без перерыва, одну за другой... Жена была им восхищена, а он уже на ходу засовывая в сумку из холодильника еду и выпивку, обещал ей, что в следующий раз все будет так же.

Он привез много вкусной еды и выпивки. У нас выпивки тоже было немало, но сейчас решили пить не нашу водку, которая уже стала приедаться, а что-то новое.

Его бренди и виски были весьма кстати. И решили посидеть нормально, много не пить, чтобы потом не заваливаться сразу в койку, а еще и воздухом подышать.

Тем более, что мы с Борей решили завязать с каждодневной выпивкой, и перейти на спорт. Начать бегать, отжиматься, пресс качать.

Сон у меня прошел, я досидел с Йоси до конца его дежурства. Затем мы залезли на крышу, где дежурили Дарэлл и Шимшон. Внизу, в своем прогулочном загоне гуляли заключенные. На вышках стояли ребята из военной полиции. Погода была хорошая, в небе летали птицы, все было хорошо. Дарэлл, увидев нас, сразу сказал, что пить не будет. Но когда он увидел бутылку виски, он улыбнулся, и я понял, что виски он бы выпил. Но я не стал ему предлагать, мне было интересно, как он сам поступит в этой ситуации.

После того, как выпили по первой, тут же спросили Йоси – как было дома? Йоси стал рассказывать про детей, про гостей, про что ели, о чем говорили. Под разговор выпили по второй и третьей. Шимшон, он совсем не пил, спросил – а как было с женой?

Йоси не хотелось об этом говорить, и он сказал, что с женой было, как всегда. Потом он добавил, что было хорошо, и улыбнулся. Кто-то предложил выпить за это.

Брэнди пили неторопливо. Когда бутылка кончилась, на крышу поднялись Амирам и Боря. Йоси открыл виски. Шимшон сказал, что виски пьют со льдом, и не заедая. Амирам сказал, что Шимшон может принести лед из столовой для себя, а они выпьют так.

Шимшон усмехнулся, и сказал, что Амирам ведь знает, что Шимшон не пьет. Просто он прочитал об этом в какой-то книжке. Дарэлл сидел около будки и что-то читал. Я не выдержал и крикнул ему, чтобы он подошел и глотнул немного. Дарэлл сказал о.к., и подошел. Йоси налил ему. Не чокаясь, все выпили.

Амирам рассказывал про Грузию. Как они большой семьей, человек 50 уезжали в Израиль, и как провозили через московскую таможенную многое, что вывозить было нельзя.

Уезжающие «грузины» уже давно «купили» всю тамошнюю таможенную. «...Когда этот метумтам таможенника увидел столько денги, что мы ему дал, чтобы он нас не шмонал, он даже со своим стулом не мог встать. Он совсем обалдел от такой денги. А ни было много денги, но для этого метумтам, для его глаза много было. Если бы он знал, что мы в наши ящик берем старый тора, много, большой камуд...».

Амирам плохо говорил по-русски и хорошо на иврите, но когда выпивал больше 200 грамм, всегда переходил на русский, вставляя ивритские слова. Шимшон попросил его повторить все сказанное на иврите.

Он рассказал, что у них в ящиках было много старинных книг на иврите и старинных же, уникальных свитков Торы, которые они скупили недорого, но по сравнению с тем, за сколько они продали их здесь, вышло, что покупали за бесценок. На эти деньги купили себе сразу квартиры, и два ресторана - один в Ашдоде, брату, и один ему в Тель-Авиве, куда Амирам пригласил всех после милуима. Шимшон спросил – держит ли Амирам там кошер? Амирам сильно возмутился, и ответил на иврите, что у него глад-кошер и дома и в ресторане. Шимшон, улыбаясь, но с подобающим уважением сказал, что он позволил себе задать такой вопрос, потому что видел пару раз, как Амирам за выпивкой ел ветчину явно не трэфного происхождения.

Асмирам смутился, но тут же бодро ответил, что, здесь, в этом милуиме, такой бардак, что даже не думаешь, что ешь. Шимшон сказал, что он извиняется за вопрос. Амирам предложил ему выпить. Шимшон улыбнулся и сделал жест рукой. Виски тоже допили. И больше, как договорились, пить не стали.

Когда мы уже спускались по лестнице с крыши, я вдруг ощутил, что удержал наконец мысль, которая все это время крутилась в голове и ускользала в тот самый миг, когда я уже почти держал ее. «Тут нельзя находиться каждый день, тут можно двинуться от всех этих Штайнеров, друзов, арабов. Надо сделать перерыв, надо свалить домой на немного, сменить обстановку». Мы дежурили с Борей ночью, с 2-х до 6-ти утра. Сразу после этого можно было поехать. Именно вдвоем, потому что безопаснее.

Боря, когда я ему сообщил эту идею, сразу сказал, что Джордж не согласится. «Да положили мы на него, куда он денется, Йоси уже был, и остальные будут».

Джордж на удачу был в комнате. Я ему сразу сказал, как только вошли, что нам с Борей, неплохо бы тоже дома побывать. Учитывая, что мы дежурим в ночь, а потом весь день до вечера свободны, на это время можем смотаться домой, немного отдохнуть. И к вечернему дежурству вернуться.

Вообще-то, этот польский выходец был Гершоном, Гришей по-нашему. Я иногда звал его Жорой, что ему очень не нравилось. Вот и сейчас очень хотелось назвать его Жорой, и было противно, что из-за того, что надо было его просить, надо было называть его Джорджем. Когда я сказал ему, он сразу, почти недослушав, сказал «нет».

Это свое «нет» он сказал специально, как отрубил, и это меня сильно завело. Я сказал, «да». Джордж сказал, что это невозможно, уехать сегодня. Тем более вдвоем, да я что, смеюсь! Отпустить двух солдат, да ему голову открутят, если узнают! А вдруг тревога, а вдруг... Подыскивая примеры пострашнее, Джордж мотал головой, отчего лицо и шея его краснели, и не мог найти еще какие-то слова. Это смешило и злило.

«Почему обязательно надо вдвоем?», - кричал на всю комнату Джордж. Все, кто был свободен от дежурств, лежали на кроватях и с любопытством наблюдали за нашим поединком. «Потому, Джордж, - отвечал я, - что у меня нет машины, а у Бори есть, и живем мы в одном городе, и вообще, чего ты торгуешься».

Я сказал эту фразу довольно миролюбиво, потому что мне показалось, что Джордж готов согласиться. Но оказалось, что именно эта фраза, точнее слово «торгуешься», показалось ему оскорбительным. Набрав воздуха в легкие, он, не без некоторой патетики сказал, что, что «здесь не рынок, он не торговец, а

солдат, как и все вокруг». Он обвел рукой лежащих, и добавил, что мне, который не служил в здешней армии, этого видимо, не понять.

«Вот сука! - подумал я, - на публику играет». Я уже был изрядно зол на него, я видел, что он хочет, чтобы я его хорошо попросил. А вот этого - фуюшки! От этой мысли я начал заводиться, и чтобы все закончить, сказал по-русски, обращаясь к Боре, чтобы он с вечера собрал свои вещи, и мы их уложим в его машину.

Я точно рассчитал, Джордж, понимал по-русски, и как услышал эти слова, весь побагровел. Брызгая слюной, тоже по-русски, тыча пальцем одной руки в ладонь другой, крикнул: «Когда здесь вырастит дэшэ, вы поедете на свой дом!»

И этим он все испортил. Я приблизился к нему и, глядя вверх – он был выше меня на голову, по-русски, стараясь помедленнее произносить слова, сказал: «Если ты, сука, будешь нам мешать, я тебя головой суну в унитаз!».

Джордж дернулся, но ничего не сказал. Затем он выругался по-арабски, и вышел из комнаты. Кто-то из ребят вышел вслед за ним. Все молчали.

Я сел на кровать. Боря тоже сел на мою кровать и сказал, что Джордж мог пойти на вахту, и пожаловаться. Ежи, который понимал русский, сказал на иврите-если он пожалуется, что я угрожал ему, своему командиру, меня могут и под суд. Но, продолжил Ежи, свидетелей у Джорджа не будет, потому что никто из присутствующих угрозы в разговоре не слышал.

Конечно, не следовало так говорить с Джорджем, да еще при всех. Но может, у кого и хватит терпения, но не у меня. Теперь, наверняка, он полезет в бутылку, но и я так просто, не отдам ему....

Через полчаса пришли с дежурства Йоси и Амирам. Улыбаясь, Йоси рассказал, что Джордж прибежал к ним на ворота и жаловался им про унитаз. Еще он сказал, что я его оскорбил при людях, и, что, он теперь, даже если бы захотел, не может разрешить мне уехать. Боре, да, а мне – нет.

«Ах, он, сука! - сказал я, - да хрен с ним, пусть хоть Боря поедет. А я с ним еще разберусь». На что Йоси сказал, чтобы я не кипятился, потому что на этом их разговор не закончился. Дав Джорджу выговориться, Йоси сказал - что он во многом прав – Лазарь не должен был себя так вести в присутствии других людей, но Джордж должен принять во внимание, что Лазарь несколько раз дежурил за других, недосыпал, и нервы его не в порядке. А второе... Тут Йоси снова улыбнулся и продолжил: «А второе, я ему сказал, чтобы он не обращал внимания на угрозу, которую Лазарь все равно не смог бы осуществить. Потому что нет такого унитаза, куда бы вошла голова нашего Джорджа!».

Джордж, услышав эти слова, сначала захотел обидеться, но Йоси сильно хлопнул его по плечу и сказал пару фраз про чувство юмора, которое у Джорджа всегда вроде бы присутствовало. И Джордж улыбнулся. И сказал, чтобы Йоси передал «этому наглому Лазарю, что он может ехать вместе с Борей».

Когда я слышал эти слова, мне стало неловко, что я Джорджа, пусть он и говно полное, это несомненно, но все-таки, обидел, да еще при людях. У меня даже порыв какой-то в душе произошел – подойти к нему и извиниться. Его нежелание нас отпустить – понятно. Он не хочет из-за нас рисковать. Но если бы он спокойно сказал все это нам, и мы бы спокойно обсудили все за и против – тогда бы не было никакого унижения. Но он не таков, он спесив, и туповат. И когда я вспомнил его рожу, захотелось не извиняться, а съездить по ней от души. Ничего другого не хотелось. Поэтому я не пошел к Джорджу.

Дежурство прошло спокойно. Днем не пили, поэтому и спать не хотелось. Даже жалко, что проверки не было. В пять начало светать, и, как сказал один мой знакомый поэт «рассвет приближал расставание». Расставание с этой тюрьмой. Господи, поскорее отсюда убратся, поскорее! Мало ли что могло случиться.

Я не стал очень уж благодарить Йоси, да ему и не надо было – он был искренне рад, что я побываю дома. «Что-нибудь, что мы еще не пили, привезите», – сказал он нам на прощание.

И мы поехали. Как только мы отъехали несколько километров, мне вдруг дико захотелось спать! А нельзя было, потому что интифада не затихала. Наоборот – мы как раз ехали по «захваченной», как она называлась в некоторых сообщениях, территории. Природа тут была очень красива! И вместо того, чтобы любоваться ее швейцарской красотой, нужно было держать М-16 ю в руках, с вставленным магазином и снятым затвором. В любой момент, на любом месте неширокой дороги могла возникнуть небольшая пирамидка из камней, которая останавливала ваш автомобиль, и...

Дальше шли различные варианты. Или камнями забрасывали, или пулей могли. Разное могли, если зазеваешься. Поэтому я держал винтовку наготове, и палец на курке, высунув дуло в щель окна. Маленькую щель, чтобы камень не влетел.

Боря тоже хотел спать. Вероятно, это у нас от чистого, «швейцарского» горного воздуха. Но спать нельзя было, и я сказал – надо все время разговаривать. Боря согласился и попросил, чтобы я рассказывал ему что-нибудь из своей жизни. Но какой тут рассказ, когда дико спать хочется. Но надо было, и я начал говорить, что нас ждет дома. Иногда я замолкал, и Боря меня тормозил. Он меня сильнее, он не закрывал глаз. Я просыпался, и продолжал нести какую-то дичь.

Главное, надо было доехать до маленького кафе у дороги, где можно было выпить крепкий кофе. На удачу, никто на нас не нападал. Мы благополучно доехали до кафе. Там не было ни одного человека. Мы зашли в туалет. Боря подставил голову под кран, потом я.

На низеньком столике уже стояли две чашечки арабского кофе с хелем, и два стакана холодной воды. Такие тут обычаи. Мы сели на низкие, с плетеным сидением табуретки. Мы пили кофе, запивая холодной водой. Я заметил, что хозяин был другой, чем в прошлый раз. Прoshлый раз это было в прошлом году. Боря сказал, что прежнего, наверное, арестовали. За то, что он передавал сирийцам сведения об израильских солдатах, которые пили тут кофе, - пошутил я. А что, вполне возможно, сказал Боря.

Кайфово было сидеть, пить кофе среди этой тишины, зелени. Наверное, так, лет 200 назад, Лермонтов на Кавказе, сидел в придорожном духане и что-то ел-пил, приготовленное руками покоренного чеченца. А мы, араба. Такой расслабон был, никуда двигаться не хотелось. Мы заказали еще по чашечке. Усатый араб спросил – не хотим ли мы шашлык? Мы поблагодарили, мы торопились домой, и поехали дальше. Стало легче, кофе снял сон.

Доехали без потерь. Боря довез меня, и поехал к себе. Договорились созвониться. Как вы, наверное, догадались, я приехал к одной молодой, вэри сэксит, девушке. Я не рассказывал о ней? Чтобы у вас было представление, куда я ехал, расскажу. Она была «америкэн-герл», мы с ней познакомились на вечеринке в какой-то англоязычной компании. Надо еще добавить-восторженной «амэрикен герл».

Я тогда жил в общежитии для репатриантов. Бывших «советских» там было человек пять, еще парочку из соцстран, остальные-из капиталистического, как нас научили их называть-лагеря. Девушек, не старше тридцати лет, было 80 %. Юношей- 20%. Нас, «советских» очень любили, потому что, капиталисты у себя в странах устраивали за нас демонстрации под лозунгом: «отпусти народ мой!» Американка, с которой я там познакомился, которую потом пригласил в кино, после второго свидания сказала, что ей почти тридцать, и она приехала в Эрэц Исраэль, чтобы найти себе мужа. И что просто так, она уже не будет. Мои цели были скромнее, и после ее заявления, мы стали с ней просто хорошими знакомыми. Она учила меня английскому, я ее-русскому.

На этой вечеринке я был единственным «русским». Через пару минут я понял, что делать мне нечего, и направился к столу, где была выпивка. Я нашел виски «Джи-би», он мне всегда нравился, налил себе, и положил пару кусочков льда.

Когда я собрался выпить, рядом стоящий американец спросил по-русски, почему не вадка?

Мы с ним разговорились, сели на диван, и он стал меня потрошить на тему отказников в России. Когда он узнал, что я тоже был в отказе, он очень оживился и стал рассказывать, что он был инициатором демонстраций в защиту «отказников».

Мне его интерес был до фени, я уже был в Израиле, и почти забыл эти плохие годы. Подходящей для себя девушки я тут не увидел, поэтому просто сидел и попивал себе виски. И что-то ему плел. А он охал и ахал.

В какой-то момент я увидел рядом милое личико. «Как же я ее не заметил?», - подумал, и обратил на нее внимание.

Оказывается, она сидела спиной к нам, и слышала наш разговор. Когда я, уже хорошо выпив, описывал мытарства отказников, она повернулась к нам, и я увидел на ее глазах, что-то похожее на слезы.

Так мы познакомились, и уехали оттуда на ее машине. Как я уже говорил, я был изрядно поддат. Она постелила мне на диване, я лег в одежде.

Утром я разглядел ее получше. И сразу увидел, что у нее фигура Мэрилин Монро. В Страну она приехала совсем юной по какой-то программе, сразу почувствовала себя сионисткой, и решила остаться в Израиле. Поступила в медицинский колледж, и на последнем курсе вышла замуж за красивого марокканца.

Несмотря на молодость, у нее уже было двое детей. Две красивые девочки, сущие ангелята. Через несколько лет она развелась с мужем. Она была медсестрой и хорошо готовила. Ее мама умерла. Американский папа был владельцем нескольких магазинов по продаже швейных машин. Как она говорила, он не хотел жить на своей исторической родине, и откупался от нее и Израиля тем, что посылал ей достаточно денег. Но она, тем не менее, работала в больнице. Я пользовался ее расположением, и даже, как она утверждала, любовью, по причине того, что она считала меня тоже сионистом. Она была помешана на этом. По ее рассказам, она с четырнадцати лет активно участвовала во многих демонстрациях в защиту выезда евреев в период существования СССР. Мать умерла, когда она была еще девочкой. С новой женой отца она ладила не очень.

В общем, я оказался воплощением ее борьбы за права советских евреев. Меня можно было даже пощупать, она этим воспользовалась, и вспылала чувством. Я не разуверял ее, что совсем не являюсь предметом ее фантазий. Хотя и был в

отказе эти самые четыре года. Но я не был тем страдальцем, сионистом-отказником, которых встречали с оркестром члены нашего правительства и высшие чины Сохнута.

Когда я вошел, дети мне очень обрадовались. Солдат с ружьем вообще всем нравится, а детям особенно. Они меня забрали в свою комнату и стали показывать свои новые игрушки. Но сначала я засунул, как нас учили командиры, ружье, под кровать в спальне, а «магазин» в шкаф. И снял ботинки. Пока мы играли, их мама наполняла ванную – она знала, что я люблю ванну.

Вода пахла ароматическим порошком. Лежать было кайфово. Словно и не было еще совсем недавно службы, пьянок, дежурств. Потом мне мыли голову. Потом я вытирался, а мне что-то рассказывали. Убейте, не помню, что, потому что я был уже очень сонный и меня повели в койку.

Часа два, наверное, проспал. Проснулся, огляделся. Моя подруга лежала рядом и ждала, когда я проснусь. И дождалась. Я еще был немного сонный, лежал с закрытыми глазами и слышал, как со мной начали что-то делать. И я делал, что хотели от меня. Потом, постепенно и сам стал участвовать.

Находясь с иноязычной женщиной в постели, теряешь возможность сказать ей, что хочется. Но и приобретаешь: можешь ничего не говорить. Если неохота. И на тебя не обидятся. Правда, у нас был общий язык-иврит. Но к постельным делам применить его-не было у меня таких знаний. Зато на русском я мог ей что-то пробормотать. И она хочет знать, что я такое бормочу, про нее, да?

- Да.

-Да? Точно да?

-!

- А что, что?

И я снова бормочу ей на ухо какие-то слова...бу-бу-бу-бу, и она тут же на английском меня спрашивает.... уот-уот-уот?

И я снова бубню, теперь уже в шею, и она начинает часто дышать, и... Такая у нас с ней сексуальная игра, и, почти не выходит разночтений. Ей это очень нравится.

Потом мы отдыхали, отдыхали, и она расспрашивала меня о моей службе. Тут надо было быть немного осторожным: ругать, но в меру, начальство, правительство, страну. Арабов можно ругать сколько угодно. Она была настоящей сионистской! Потом она рассказывала на английском, про свои дела,

детей, работу. Я понимал ее американский процентов на 80-т, но исправно качал головой и где надо поддакивал.

Потом она еще раз получила свое, а потом был обед. Готовит она очень хорошо. И при этом знает, в отличие от многих американцев, что мясо не всегда полезно. У нее всегда много салатов и овощей. Мне наливают водку за обедом. Сама она не пьет спиртного. Потом...

Потом, я вдруг вскинулся, посмотрел на часы и срочно кинулся к телефону. Она спросила – что случилось? Я ответил, что мне пора ехать, и как бы не опоздать.

Дети виснут на мне, целую их, ее целую, и она меня несколько раз, вытирая слезу, словно я иду на войну. Американцы сентиментальные люди. Она, наверное, думает, что я там на передовых позициях. Я ей не говорю, что сторожу во внутренней тюрьме арабов-малолеток. В дорогу она дает мне увесистый пакет. Я не спрашиваю, что там, я догадываюсь.

Назад едем молча. Каждый думает о своем. Почему нет радости, которая приходит внезапно, незаметно касается сердца, проходя через него больно и сладко. И уходит. Замечаешь это уже потом, чувствуешь, что была. Была и ушла.

Подъезжали уже в темноте. На удачу, без происшествий. Джордж, когда мы вошли, сделал жест рукой, как будто у него гора с плеч. Он здоровается с Борей, и смотрит на меня. Я хлопаю его по плечу - жест означает, что я на него не сержусь. Джордж улыбается и спрашивает, что вкусненького у меня в пакете? Я отвечаю, что он попробует все, что там есть.

В комнате все, кто не был на дежурстве, спали. Через полчаса мы с Борей заступили на дежурство на крыше, в дальнем ее углу. Боря рассказывал, как было дома, жена, дети. Меня сам не спрашивал: Боря человек деликатный, в душу не лезет, если захочу, сам расскажу. В армии вообще, все всё сами рассказывают. И довольно охотно, сам не знаю почему.

Но я не стал ничего рассказывать, просто нечего было. Сидели, молчали. Что-то непривычное и странное было в этом молчании. А потому что не пили, вот в чем дело было. И хорошо, что не пили, надо же и отдохнуть от этого. Мне уже стали приедаться все эти пьянки.

Если бы кто-то понаблюдал за нами пару-тройку дней, он бы наверняка сказал:

- Вы, что, всегда так?

- Что, так?

- Ну, пьете, пьете, пьете, и болтаете без конца?

- А что ее тут делать? Телевизор смотреть? В шахматы играть? Книжки читать?!

А главное, чтоб вы знали, мы все с большой охотой ходим в милуим, с радостью. Отдохнуть от работы, увидеться с теми, кого год не видел, да мало ли... Но вот приходит время идти, идешь, и вначале все хорошо и даже по кайфу. Но потом... Вот как в этот раз, в этой тюрьме. Может, просто на меня это место так действует? Но ведь бывают и получше милуимы, так? Бывают. Поэтому нечего хныкать. Никто пить не заставляет: не хочешь-не пей...

В падающем свете фонаря вились всяческие мошки. Было тихо. Боря сказал – кто-то идет, и показал рукой на темную фигуру, возникшую на плоскости крыши. Может, проверка? Мы встали.

Смешно, но тут, видимо, не может быть безалкогольной паузы. Это были Йоси и Амирам, которые вернулись с дежурства и почему-то не хотели спать. По дороге они прихватили Исраэля, который был поваром, и иногда помогал тут главному повару. У него был ключ от столовой. И оттуда он принес в кастрюле кучу шницелей, жареный картофель, и в другой, кус-кус. Амирам держал в руках питы, большую банку хумуса, и нарезанные овощи. Боря сказал, что у него есть настоящий ром, и спустился за ним. Я не видел, что моя подруга положила мне в пакет еды, но наверняка там были салаты. Но Йоси сказал, что ночью жрать много, тяжело, и ограничимся тем, что есть. Благо немало.

Как всегда, впили за окончание праздника. Исраэль рассказывал, как этим летом ездил к дяде аж в Бразилию, и видел тамошний карнавал. «Уалла,- восклицал он, -видели бы вы этих девушек, а особенно их попы. Уалла!»

Поговорили немного, про бразильские, и другие попы. Амирам сказал, что у израильтянок попы не такие выпуклые, зато груди...

Я спросил Исраэля, познакомился ли он с какой-нибудь мулаткой? Он смутился, и сказал, что все время был среди еврейской мишпухи.

На середине третьей бутылки мне вдруг расхотелось пить. Со мной иногда такое бывает. Я встал и прошелся немного по крыше. Боря крикнул- ты в порядке? Я махнул рукой и подошел к краю крыши. Там стояли какие-то люди и о чем-то тихо говорили меж собой.

«Ну, не враг же, в два часа ночи», -подумал я. И точно, когда они поднялись по железной лестнице на крышу, даже в темноте, я узнал двоих. Это были ребята из военной полиции. Их казарма примыкала к нашей, они несли охрану прямо в помещении тюрьмы, и в прогулочных дворах. Они приветливо поздоровались, и один из них сказал, что они возвращались с дежурства и почуяли запах мяса.

Амирам сказал, что сюда, на запах мяса поднимутся все, кто не спит. Фраза прозвучала как-то не совсем дружелюбно. Йоси, наш умный Йоси, встал, похлопал по плечу одного из пришедших и сказал: «Вот, вы-то нас и выручите. Тут столько мяса, да и выпить есть. Яалла, садитесь, хевры, продолжим праздник» И воцарилось дружелюбие.

Мы раньше никогда с милуимниками из военной полиции не выпивали. Среди нас они считались высшей кастой. Может, потому что у них и в милуиме была настоящая дисциплина, и службу они несли лучше. Я никогда не слышал, чтоб они пили на дежурствах. Да, и пили ли они вообще-среди них в основном были одни сабры.

Йоси положил каждому в питу по шницелю, овощей и картошки. Амирам стал наливать в пластиковый стакан, и сказал по-русски: «Как это, толко кушат, и чтоб не пит?!» И перевел себя на иврит. Двое из них сразу отказались. Они сделали такой понятный жест рукой: нет-нет! Но третий, даже при ночном свете было видно, что он теймани, сказал-я выпью.

Амирам протянул ему наполненный стакан. Теманец, выдохнул, как Амирам, воздух, и как Амирам влил в раскрытый рот содержимое. Забыл сказать, что ром, который привез Борис, был шестидесяти градусов.

Рот остался открытым. Йоси взял пииту с мясом, овощами и хумусом, и буквально вставил в открытый рот тейманца. Все сказали, –У-у! и смотрели на него, как он жует питу. Его товарищ сказал: «Ты еще жив?!»

А Йоси сказал: «Если не упадешь, можешь продолжить. Ты, видимо, раньше был русским»

Тейманец ничего не говорил, в глазах были слезы, он их вытер, и продолжая есть, сказал: «Видимо...»

Амирам разлил по новой ром, протянул каждому стакан, в том числе тейманцу, и спросил: «Как тебя зовут?»

-Дрор, - сказал тейманец.

- Так ты, воробей, - перевел Амирам его имя. – Но ты совсем не воробей, ты орел! Так можешь выпить еще одну, да?

Один из товарищей Дрора сказал: «Дрор, может, не стоит? Ты заметил, что ты - не «русский. Это питье тебя уложит»

Дрор пребывал в раздумье. Может, если бы его товарищ не сказал ему этих слов, он бы отказался. Но теперь он взял стакан, и поглядев на всех, сказал: «Ну, яалла! И, как говорил незабвенный Веничка-немедленно выпил.

На сей раз он воздуха не выдыхал. И, может, поэтому, на лице его, после выпитого появилось такое выражение, словно он не понимает, что он делает, где он есть, и, вообще...

Йоси снова дал ему питу. Дрор стал ее есть. Если бы я не знал, что пьет он впервые, я бы подумал, что он разыгрывает нас. Но нет, он не играл. Но и не падал, как подумали, наверное, некоторые из нас. Умный Йоси, дал ему стул, легко посадил его, и сказал: «А теперь ешь и ешь. Жалко нет масла»

Один из товарищей Дрора, сказал другому: «Может, уже хватит, может, уже пойдем спать?» Тот, повернулся к Дрору, потрогал его за плечо и сказал: «Яалла, хабуб, пойдем домой. Ты устал, вроде. Мы все устали, Смотри, ночь ведь»

Дрор, то ли от выпитого, то ли такой на самом деле, был спокоен. Он встал, и сказал Амираму: «Бутылка, что, кончилась?»

- Что? - с тихим смешком сказал Амирам, -ты еще хочешь?

- Я слышал, что у русских обязательно пьют не меньше трех стаканов. А я выпил только два. Ну-у?!

Амирам недоуменно, разыгрывая детское удивление, оглядел нас, поднял руки, чтобы достовернее что-то сказать, и сказал: «Да, он, алкоголист, братцы! Он просит еще, смотрите на него, он, как будто ни в одном глазу!»

И вправду, тейманец стоял почти ровно, говорил логично, и взгляд его был осмыслен. А было уже, наверное, часа три ночи. Через час кончалось наше с Борей дежурство.

Боря, до сих пор молчавший, сказал по-русски: «Слушай, Амирам, не наливай ему больше, не надо. Хороший парень, жалко»

- Да, я и не хачу, но смотри, она просит. Мне ни жалко...

Амираму, конечно же, хотелось увидеть, как падет этот храбрый тейманец. А тот, тронул бутылку, которую Амирам держал в руках и сказал: «Тимзог, ну, яалла»

Несколько секунд молчали все, а казалось, что идут минуты. Амирам налил Дрору чуть меньше, чем раньше, но налил. Потом налил и себе. Йоси взял у него бутылку, налил мне, Боре и себе. Мы ждали тейманца. Двое из военной полиции смотрели на своего товарища и молчали. Один, правда, сделал, такое движение плечами- ну, дескать, раз он хочет, пусть...

Тейманец снова выдохнул, как Амирам, сказал нам всем по-русски, - на здоровья, снова выдохнул, и, немедля, выпил. Выпили и мы, и закусили. И снова у тейманца было такое лицо, словно он не понимал, что он делает, и что, вообще, он это делает. Потом в его глазах появилась какая-то сумасшедшая веселость. Он взял небольшой кусок питы, намазал хумусом и вложил себе в рот. Потом сказал нам-спасибо, и чуть покачиваясь, с товарищами, они пошли к краю крыши, к железной лестнице, чтобы спуститься вниз. Он шел посередине, его товарищи, по бокам.

Они ушли. Мы остались. Амирам сказал: «Крепки какой, да? Как настоящий грузин выпивает. А какой малэнки он савсэм, да? Может, он араку дома пьет?»

Мы еще немного поговорили про крепость и стойкость йеменских евреев, потом согласились, что йменки-самые красивые еврейки, и Йоси сказал: «Вам еще пятнадцать минут, кто вас сменяет?»

Так начинался новый день, не помню, какой тут по счету. Я сказал, чтобы меня не будили на завтрак и обед, если сам не проснусь. И проспал все это время, проснулся только на ужин. В столовой Амирам сказал, что хорошо бы узнать, как там наш герой-тейманец? Израэль сказал, что он, точно в порядке, он нам хотел показать, что тейманим не хуже других и показал. Все согласи лоись с ним.

Мы снова дежурили с Борей с часу до пяти ночи на воротах. Я сказал Боре, чтобы он подождал поближе машину, послушать радио. Он так и сделал, и мы поймали «маяк». Боря первым увидел, что кто-то идет со стороны казарм, вышел из машины, прошел чуть вперед, и стал ждать. Это был Рэмбо. Он сильно размахивал руками и что-то объяснял Боре. Боря слушал его, потом вернулся к машине и сказал, что Рэмбо, который дежурил на ближней от ворот крыше, заметил, что кто-то подозрительный ходил за запреткой под окнами камер. Он предложил Боре пройти с ним вокруг здания тюрьмы. При этом он взвёл затвор, и предложил Боре сделать то же самое. Зная, какой Рэмбо фантазер, Боря сказал ему успокоиться и вернуться на пост. Рэмбо сказал, что Боря «руси», и плохо знает коварство арабов. Поэтому он пойдет сам, а если мы услышим выстрел, чтобы Боря бежал ему на помощь, при этом стреляя на ходу вверх. И он ушел.

Мы ни на минуту не поверили Рэмбо, Я спросил Борю, каким ему показался Рэмбо? Боря сказал: «Ты бы видел его лицо!»

Больше мы Рэмбо не видели и не слышали, как и его выстрелов. В полшестого, на полчаса позже, нас сменили. Я поставил ружье в оружейную пирамиду и как был в форме, завалился на кровать. Подошел Боря и сказал, что этот Джордж

поставил нас дежурить в восемь утра на крыше. Я подумал, вот сука. Оставалось спать всего полтора часа. Но не было желания искать Джорджа и базарить. Он это сделал, потому что мы были дома. Очень хотелось спать, и я тут же заснул.

Боря сказал, что он еле меня разбудил. И вправду, я никак не мог разлепить глаза. Быстро сбегал в душ, но это помогло не очень. На крыше я попросил Борю, чтобы я был в дальней будке. Он не возражал. Я сел в будке, вытянул ноги, ружье поставил рядом, продел руку в ремень, и закрыл глаза. Я знал, что сегодня может быть проверка, но глаз не открывал. Я надеялся на верного Борю. Через час я проснулся. Солнце светило. Было умеренно жарко и хорошо. Я полностью вернулся в форму.

С того конца крыши меня позвал Боря.

- Слушай, вот я читал книжку Федотова. Как он описывает Ливан, если он там не был? Он же не служил в армии, и не был там, так?

Федотов был писателем и моим другом. Кроме того, он был отцом восьмерых детей. И точно не мог служить в армии. Но в Ливане, точнее на подступах к нему, был. Он же писатель, и ему было интересно, как там воюют наши. Изловчился как-то, и попал туда. Это я и сказал Боре.

- Ну, как же так, у него же куча детей, он же рисковал! И как он так изловчился? А оружие где взял?

- Он взял у кого-то форму, оружия у него не было, он туда доехал на трэпах.

- Он что, идиот, во время войны, без оружия соваться в Ливан?!

- Боря, когда писателю нужен материал на интересующую его тему, он едет в Ливан за правдой. Настоящий писатель, всегда так.

- А детей на кого оставил?

- Спрошу у него сразу после милуима и позвоню тебе.

Я вернулся на место. В это время внизу, в прогулочный двор вывели на прогулку заключенных малолеток. Я стал наблюдать за ними. Они сначала ходили по двору, потом о чем-то разговаривали, и вдруг начали играть в очень мне знакомую игру, они играли в «козла». Мы на физкультуре часто играли в неё. Здоровые ребята, арабы не очень умело прыгали друг через друга, и мне хотелось спуститься вниз и научить их правильной игре.

Потом их построили и сделали перекличку. Они называли свою фамилию и пересчитывались на арабском, а конвоир переводил цифру на иврит. После чего они должны были двинуться в камеры, но они почему-то не уходили. «Наверное,

какая-то заминка там у них»-подумал я, и стал всматриваться в их лица. В основном, это были лица деревенских парней. Многие носили бороды. Широкие плечи и хорошо развитая грудь обещали нам немало неприятностей, как тут говорили-их двоюродным братьям. Они почувствовали на себе мой взгляд, повернули ко мне головы и снизу вверх смотрели на меня. Взгляд их был серьезен, так можно было это назвать. Они были мне чужды и безразличны, но я не испытывал к ним никаких отрицательных чувств. Но вот их строй покачнулся, и они двинулись к себе. «Свидание окончено», -сказал я про себя, и вернулся в будку. Солнце не позволяло долго быть наружи.

Когда закончилось наше дежурство. Боря сказал, что хочет поехать в ближний ишув Баркан, на пару часов, навестить приятеля. И спросил-не хочу ли я с ним?

«Аск,- ответил я,- канэшна»

У дверей столовой мы столкнулись с Амирамом и Йосей, они дежурили на воротах. Амирам сказал, что у них возникла хорошая идея. Мы с Борей переглянулись.

- Свалить на пару часов, да?

- Ты что, мысли угадываешь? - сказал Амирам, - Да, хотим съездить в ишув Ариэль, там у Йоси друг живет. Да, и горячего докупить надо. А вы, что, тоже хотите свалить? И куда?

В общем, решили ехать вместе. Сначала в их, который ближе, потом в наш.

Когда мы ели суп в столовой, Боря вдруг сказал: «Его же могли вполне там убить, а у него куча детей. Что же он, совсем не думал о детях?!»

- Думал, Боря, наверняка думал. Но...

Боря ничего не сказал, он только покрутил неодобрительно головой. У Бори было три сына. Не восемь, как у Федотова, но все равно.

Мы поехали на «транзите» Йоси. На воротах дежурные попросили купить им орешков и колу.

Дорога была очень извилистой. Йоси одной рукой уверенно вел машину, вторую держал на ручке скоростей. С ним было надежно. Но мы все равно держали оружие наготове. Я даже усмехнулся про себя.

В Ариэль мы подъехали к двухэтажному дому, сделанному из какого-то дорожного камня, что придавало строению очень привлекательный вид. Когда вышли из машины увидели четыре большие лапы на деревянном заборе и две головы. Два огромных породистых пса смотрели на нас. Не лаяли, только

смотрели, и от этого мы все остановились. Из калитки вышел так же сбитый как Йоси, мужик. И чуть похожий на него. У него были густые, черные усы, делавшие его еще больше похожим на турка. Он радостно сказал что-то на турецком, обнял Йоси, и так они постояли несколько секунд. Потом разжали объятия, одновременно стукнули друг друга по плечу и рассмеялись. Потом его друг пожал нам всем руки, и Амирам сказал на русском: «Вай, ты чувствуешь, какой у него рука, да?»

Йоси сказал нам, что они с Коби вместе воевали, и лет 10 ходили в милуим. Потом Йоси перевели в другой отряд.

Мы сидели на террасе в удобных плетеных креслах. Жена и дочь Коби принесли угощения и фрукты и поставили все на низкий столик. Коби спросил Йоси, хотим ли мы выпить? Йоси покачал головой, дескать-мы за рулем. Уверен, каждый из нас не одобрил его жест, но пришлось согласиться. «Турки» продолжали говорить на ладино, вспоминали друзей, минувшие дни...

Потом вошли еще три дочери. Их стало четыре. Коби сказал, обращаясь к нам: «Если у кого-то из вас есть толковые парни, и хотите породниться с турками, я жду предложений» Его девочки рассмеялись, они совсем не стеснялись нас.

Мы посидели еще полчаса, потом сделали Йоси знак, что надо ехать. Он обнял всю семью своего друга, обещал после милуима навестить их с женой, и еще раз они с Коби похлопали друг друга по плечам. Мы тоже пожали всем руки, в том числе и смешливым девочкам.

Минут десять ехали молча. Обозревали окрестности. Что говорить-было красиво вокруг. На ум пришла банальные, сказанные уже кем-то слова о том, что при такой красоте вместо того, чтобы наслаждаться и жить в мире, мы воюем. Эти ишувы были построены на горах. С дороги они смотрелись как какие-то мини-замки.

Ишув Баркан, был меньше Ариэля, но красивее, уютнее, и богаче. Все дома-двухэтажные, большие садики-мечта русских поселенцев, которых здесь было половина поселка.

Боря пошел искать дом своего друга, а мы остались ждать у машины. Амирам сказал на иврите: «Вах, что-то давно не пили, такой перерыв нам не опасен?» Мы оценили его шутку и стали рассуждать на тему: могли бы мы тут жить? Амирам сразу сказал: «Я здэс жит нэ хачу. Я толко в город магу. Да»

Боря вернулся со своим другом, Сашей, у которого фамилия была-Большой. У Саши был большой сад, засаженный всеми возможными здесь фруктами. На веранде лежали вытащенные из земли ветки фисташек.

- Мы, как и бывший президент Картер, выращиваем фисташки, - сказал Саша, - а вот это, вишня. Посадили на пробу.

Из глубины дома вышла женщина. Это была Сашина жена, Галя. Очень красивая. Красота семнадцатилетней девушки была в ней, и даже небольшая полнота, не портили её, а лишь прибавляли сексуальности. Мы все, не сговариваясь, уставились на нее. Она, хоть и привыкла, но чуть смутилась. Указала нам на низкие плетеные табуретки за низким столиком, попросила мужа ей помочь, и они удалились в глубь дома.

Когда мы расселись, Боря сказал- они все после института работали в одном вычислительном центре. «Когда она сидела в своей мини юбке, из всех отделов по несколько раз заходили мужики смотреть на нее»

- Ну, слушай, с такой красавицей, совсем жить нельзя, на работу ходить нельзя, ее целый день охранять надо, - сказал Амирам. - А ее муж, ты, Борис, не обижайся, он совсем не красавец, совсем. Как так получилось?

Тут Амирам был прав, ни ростом, ни красотой Саша Большой не вышел.

- Значит, чем- то другим он ее взял, да, Боря? Но мы не будем тебя спрашивать- чем? Мы тут гости и уважаем твоих друзей, так?

Рассудительный Йоси, как всегда, сказал мудро, и мы согласились с ним. Но только внешне. Наверняка, каждый из нас внутри себя рассуждал: как же так?..

Что и говорить, мы все были поражены. Боря, смотрел на нас, и улыбался. Ему нравилось произведенное впечатление Галиной красотой. Наверняка, он специально не предупредил нас об этом, и теперь наслаждался произведенным эффектом. Типа-ну, посмотрим, как вы ребята, сможете не смотреть на нее! Сам он уже привык к этому явлению.

Боря встал. «Схожу, посмотрю, что у них есть выпить. Вы же наверняка хотите, да?»

Я ответил коротко-бэтах, что в переводе означало, канешна. В русском доме и не выпить. Тут уже не скажешь, «мы-за рулем».

Амирам, показав рукой на ушедшую Галю, сказал: «Слушай...да-а-а...Смотреть долго нехорошо, а куда еще смотреть, а? Глаза сами смотрят. Без тебя».

Возразить было нечего. Минут пять прошло, но нам показалось, что много больше. На меня и Йоси напала зевота. Амирам посмотрел на нас и сказал: «Вах, сейчас точно принесут выпить, точно»

Вошла Галя с подносом. Я сказал по-русски: «Шоколадница, Лиотара» Галя улыбнулась и поставила поднос на столик. Там было много всего: конфеты, печенье, заварочный чайник, банка с кофе, чашки, шоколад. Пахло все очень вкусно. Потом Галя вышла. Йоси и Амирам смотрели ей вслед. Я расставлял чашки и блюда. Вернулась Галя с большим тортом, чайником, и посудой. Она посмотрела на нас и спросила: «Кто будет чай, кто кофе?»

Никто не ответил. Возникла неловкая пауза. Галя стояла и смотрела на нас. Мы смотрели друг на друга. Как школьники на чужом дне рождения.

Галя снова улыбнулась и сказала: «Там Боря с Сашей выбирают, что принести выпить. Сейчас они придут»

Галя хорошо говорила на иврите, но с тем неистребимым русским акцентом, который мне всегда все портил. Но ее красоты акцент не портил.

Вошли Боря с Сашей. Тоже с подносом. Амирам вздохнул и сказал по-русски: «Савсэм другой дэла. Сейчас это, а потом чай-кофя» Йоси понял и сказал-нахон.

На подносе, который держал в руках Саша, было шесть бутылок. Я всмотрелся. Румынская «цуйка». Бренди «сток». Чуть початая бутылка «марсалы». Какой-то ликер. Водка «Голд». И шагающий «Джони Уокер». Мы перестали смотреть на Галю. Стали выбирать-кто что хочет выпить. Я вначале хотел виски, но взглянув на «Цуйку», подумал о ней. Амирам взглянул на Йосю, Йосю на меня. Я налил им цуйки, потом посмотрел на Борю. Боря взялся рукой за бутылку «Стока». Саша подставил ему свой стакан. Мы трое, пьющих цуйку, посмотрели на Галю. Такая немая сцена возникла. Галя рассмеялась и показала на вино. Йоси видел, что Амираму хочется поухаживать за Галей. И сказал ему: «Ну, ялла, тимзог, ата грузини а хуцпан!» Все рассмеялись и чокнулись. Амирам сказал по-русски: «За ваший счастливи жизын!» И мы выпили. Галя показала на разные закуски на подносе, раздала нам небольшие тарелочки, и сказала: «Ну, яалла, наши защитники, берите»

Долго тянуть со вторым стаканом не стали. Опять Амирам сказал: «А сичас, за ваши хороши тут жизын!» Все почувствовали, что «лед тронулся».

Галя отпивала из своего стакана и подкладывала нам еду. Мы не возражали.

Амирам обернулся к хозяину и сказал на иврите: «У нас, у грузин сначала пьют за хозяина дома. Но, думаю, ты не возражаешь, если мы выпьем за твою красивую жену, да?»

Потом, все-таки, выпили за хозяина, потом... После не помню какого стакана, Галя сказала: «Если можете, не напивайтесь. Этот торт я готовила сама. Причем первый раз. Так что...»

- Так что, - продолжил ее муж, - сейчас Галя на вас опробует своё мастерство.

Мы взяли по куску торта. И каждый откусил ложечкой по кусочку. Потом еще раз. Я ждал, что Амирам скажет-вах, какая вкусный торт! -но он не сказал. Он сказал: «Ну, что, хеврая, еще по одной, да?» Забыл сказать, что Боря почти не пил. Значит, собирался вести машину.

Йоси посмотрел на часы -им с Амирамом в шесть надо было заступать на дежурство. Все поняли и встали.

Мы еще долго благодарили хозяев. Амирам сказал, что давно уже не ел такой вкусный торт. Галя сказала – спасибо. Сопровождаемые хозяевами мы направились к машине.

Минут десять мы ехали молча. Потом Йоси сказал Боре: «Твоя Галя, красивая, да?» Амирам тут же подхватил: «Не просто, а очень красивая. Для конкурс красоты». Йоси продолжил: «Борис, извини за нескромный вопрос, но от души- почему он а не ты?»

Боря, хмыкнул, как он умел, и сказал, что у него тогда уже была девушка. Так что...

-Ти очен силны, Борис, как мог такой дэвушк прапустыт. Вах! Он перевел себя на иврит, и все с ним согласились.

«Все это хорошо, - сказал я, - но от этой Галиной красоты, мы забыли заехать в магазин и купить выпивки и орешек. Что будем делать?»

«Может, у арабов есть?»- сказал Амирам. Все улыбнулись.

Минут через двадцать мы остановились у арабской лавки, и спросили про выпивку. Хозяин сурово посмотрел на нас и коротко сказал - ла! Но орешки у него были, и мы купили еще и кока-колу.

Оставшиеся полчаса мы ехали молча. Амирам и Йоси остались дежурить на воротах. Мы с Борей побрели в казарму. Стало как-то пусто, внутри что-то замерло. «С чего бы это, - подумал я, - ну, не из-за отсутствия выпивки же». А просто нечего было делать. Не че го. Вот этот момент и наступил.

Я было подумал-может, почитать что-то, наконец. У меня же есть пару книг. Тем более, Гамсун. Но не читалось, да и в комнате было темновато. Несколько человек спали до и после дежурства, остальные были на посту. Мы с Борей заступали в двенадцать ночи, еще кучу времени надо было как-то убить. Еще беспокоило, что совсем нет выпивки, и неизвестно...

- Почему-то, совсем не хочется спать, - сказал Боря. – С чего бы это. А тебе?

Тут в комнату вошел Дарэлл. Он был родом из Уэльса. В Израиле он жил всего десять лет, и был совладельцем небольшого хостеля. Там были небольшие комнаты по шесть коек, и дешевые цены. Он был похож на актера Стива МакКуина. Он мало говорил, хорошо улыбался, и внушал доверие.

- Хай, бойз, что вы такие кислые, - спросил он нас на своем английском.

- Как тебе это объяснить, Дарэлл-бой... Но попробую-у нас кончилась выпивка, а почему-то нам ее еще захочется, - так я, как сейчас помню, сказал тогда Дарэллу.

- И у ваших друзей Йоси и Амирама, тоже нет?

- В том-то и дело. Голый вассер, как говорят индейцы племени вачуо.

- Ху из, эти индейцы вачуо, я не знаю, но думаю, что могу помочь вашему горю.

Койка Дарэлла была рядом с койкой Бори. Дарэлл нагнулся, достал свой солдатский кидбэк, порылся там и вытащил, - даже в этом полумраке было видно, бутылку.

«Хотел оставить ее на одно событие, но раз у вас «голый вассер», держите». – Дарэлл протянул Боре литровую бутылку хорошего джина. Мы ни на минуту не сомневались, что он ее не «зажи мал». И никто бы такое не сказал про него. А сейчас, она была очень кстати, очень!

Втроем мы пошли к воротам. По дороге я думал, как поинтереснее подать этот подарок, но когда мы подошли к воротам, Йоси, буднично так, сказал: «Смотри, нам несут выпить»

Какой уж тут сюрприз. Но настроение догадка Йоси мне не испортила. Наоборот, я похлопал его по плечу и сказал - он молодец, что догадался, но раз он такой догадливый, угадает ли он, что мы сейчас бьем пить?

- Ну, раз тут Дарэлл, значит и выпивка его. Значит, это точно не водка. Дарэлл не американец-он, англичанин. А что пьют англичане? А? Я угадал?

Я был уверен, что Йоси угадает, но хотел, чтобы он сказал сам. Он и сказал, что у этого питья можжевелевый вкус.

- Вах, - сказал Амирам, отвинчивая пробку, - тут целый литр, как раз нам хватит. Мне тут дали яблоки, ну и что, тоже закуска.

Боря сказал- надо бы с тоником, но ничего. А вот яблоки, и именно с джином-само то!

Мы пили джин, пили понемногу, не торопясь. Дарэлл вскоре ушел-ему скоро было заступать на дежурство. Потом разговор перешел на еврейских девушек в России и Грузии. Йоси спросил-а какая между ними разница, все же еврейки?

Амирам сказал, что разница немалая. Российская еврейка может дать и до свадьбы, а грузинская-никогда. И добавил, что он много бывал в российских городах, и легко «покупал», да и просто так, тамошних евреек. Потом Амирам вдруг сказал: «А эта Галя, наверняка очень хороша в постели. Как думаешь, Борис?»

Видно было, что Боре не понравились эти слова, и он не ответил. Амирану и не нужен был ответ. Он добавил, что перетрахал много евреек, и что они очень податливы. Я хотел сказать ему что-то такое, но мне расхотелось с ним даже говорить. Было уже девять часов вечера, светила луна, около ворот горел фонарь, и у Бори были напряжены скулы.

Йоси вдруг спросил меня-была ли у меня в юности любовь? Та самая, первая, самая лучшая любовь?

Джин все-таки чудный напиток. Наверняка он причина, что я вдруг сказал «да, была», и начал рассказывать про свою первую любовь. Мне и ей было по шестнадцати лет. В нашей любви было всё: клятвы, слезы, ссоры, примирения, и много счастья. Я рассказал счастливую и грустную историю своей любви к этой чудной девочке. Потом добавил, что я уехал в Москву, а она осталась. И всё у нас кончилось. Все сидели тихо и молчали. Потом вдруг Амирам спросил по-русски:

- Он играл на пианино?

- Да, она окончила консерваторию.

- Он сейчас живет в Ашдод, ты знаешь?

Йоси попросил Борю перевести, о чем мы говорили. Боря перевел. Йоси посмотрел на меня.

Потом Амирам назвал ее имя. Потом имя ее мужа. Бывшего, сказал он. Она приехала с ним и дочкой. И уже здесь развелась с мужем. Она преподает в музыкальной школе, и она соседка Амирама. Эту историю про нас, почти так же, она рассказала Амирану. Её муж с ней плохо обращался, и она искала утешения у Амирама.

- Ты извини меня, у нас с ней был это....ну, ты понимаешь, да. Но он мне говорил, что очэн тэбя любил, очэн. Он очэн чэсни и парадочный женщин.

Йоси снова попросил Борю перевести. Боря снова перевел.

Как пишут некоторые авторы-наступило глубокое молчание. Мне показалось, что Амирам своим признанием немного подпортил мой рассказ о моей первой любви. Но я ему этого не сказал. Боря встал и пошел в казарму. Мне бы тоже уйти, но я почему-то побыл еще минут десять с ними, и потом вернулся в казарму.

Мы с Борей сменяли Йоси и Амирама у ворот. Я сказал Боре, что минут на десять опоздаю. Когда я пришел к воротам, Боря сказал: «Не хотел встречаться с Амирамом?» Я кивнул. Потом я сказал ему, что неплохо было бы, если бы он и сегодня прикатил машину сюда.

- И чтобы ты снова в ней спал, - усмехнулся Боря. - А я дежурь один.

Боря говорил правду и говорил не обидно. Правда, я, в отличие от него, днем никогда не спал. Поэтому ночью мне хотелось спать. Мне никогда не нравилось это испытание-не спать ночью. Да и как тут не спать, сплошные ночные дежурства по четыре часа, и непрерывное пьянство.

Мы сидели в машине, слушали радио. Вдруг Боря сказал: «Почему ты не дал ему по морде?»

Я понял кому, но переспросил-кому?

- Что ты притворяешься. Ему. Зачем ему надо было болтать, что он спал с ней? Он что, полный идиот, не понимал, что это твоя первая любовь. Надо было его сразу заткнуть, болтуна. Трепач...

- Может, он и не врал. Хотя, думаю, что врал. Он никогда с ней не спал. Но очень хотел, наверное. Поэтому не удержался и соврал. Петух.

- Я тоже уверен, что он врал.

- А может, и нет. Я ведь знал ее больше двадцати лет назад. Женщину не всегда поймешь. Да, и что здесь плохого - спать с женщиной. Кроме хорошего.

- Но ты хоть любил ее, или просто так?

- Очень, очень. Что ж, я совсем

- Ладно, верю. Но ты не спи, сука. Джордж сказал, что сегодня будет проверка.

- Веришь ты Джорджу. Но если увидишь, что кто-то идет, включи фары и ослепи их. Я чуть-чуть подремлю. Нет сил терпеть. Уж, извини.

Эти ночные дежурства меня добили. Боря, наверняка, тоже хотел спать. Но не спал. Он был сильнее меня. И ответственнее. В общем, я провалился в сон. Но

ненадолго. Мне показалось, что я с кем-то разговариваю. И плохо слышу говорящего. Почему плохо?

Боря тормошил меня. Я проснулся. Он сказал-слышишь? Я прислушался. Вдали, в глубине территории слышны были голоса. Но не разобрать, что говорили. Значит, мне это не снилось, а я тоже слышал. Голоса не приближались. Я сказал Боре, что пойду, проверю, кто это? Он сказал- не надо. Если это проверка, пусть сами подойдут к нам. Он протянул мне бутылку с водой. Я вылил ее на лицо, на шею, и окончательно проснулся. Никто не шел к нам, голоса затихли. Боря включил радио.

Сменили нас в полпятого утра. А должны были в четыре. Полчаса подворовали у нас Эдри и Питер. Хорошие ребята, но я все равно пробурчал что-то насчет всяческих их опозданий. Почему-то мы Борей никогда не опаздываем. Все это я сказал сменщикам.

Эдри похлопал меня по плечу и сказал, что мы - супер. Я похлопал его по плечу и сказал, что он - дупер.

Когда мы с Борей шли в казарму, я сказал, что нас ни разу не предупредили, как вести себя, если вдруг будет нападение? А с другой стороны, ну кто будет нападать на эту говеную «крепость»? Но было бы интересно...

- Что интересно? - спросил Боря

- Ну, принять бой, пострелять, я знаю...Все-таки некое разнообразие в нашей скучной тут жизни.

- А быть вдруг убитым, это как?

- Это никак. Наоборот, убить много врагов и быть героем. Ладно, проехали. Пошли спать.

Утром, когда я еще спал, меня разбудил Джордж. Он тряс меня, приговаривая по-русски, вставай, вставай, ну!

Я открыл глаза. –Что надо, Жора? Который час?

Я посмотрел на часы-было одиннадцать. Оказалось, что Штайнер, тот самый Рэмбо, которого Джордж отпустил вчера на день решить свои бракоразводные дела, и должен был утром заступать на дежурство, не вернулся. Джордж просил меня подежурить вместо него на крыше.

Я хотел сказать - почему сам Джордж не пойдет и не подежурит за Рэмбо? Он же наш командир, а командир первый должен идти в бой и т.д. Но не сказал.

Вместо этого сказал -блин, только три с половиной часа как вернулся с дежурства, и очень хочу спать. Очень, блин!

Йоси, который только что вернулся в дежурства, снимал одежду и готовился лечь в койку. Джордж, обратился к нему и сказал: «Ну, скажи ты ему- если командир назначает, в нашей армии не принято отказывать»

Йоси сел на кровать. сказал ему: «Иди к себе, а мы немного поговорим» Когда Джордж ушел, Йоси сказал, что он хочет поспать часа два и потом уехать домой до своего следующего полночного дежурства. И если я соглашусь, Джордж не будет упираться, потому что Йоси меня уговорил. Ну, и Рэмбо надо выручать.

Я одел брюки и пошел в туалет. По дороге я думал-уже не первый раз я дежурю за кого-то. Почему я? То ли я самый крепкий тут, то ли, самый мудака...

Да, насрать, Рэмбо надо выручить, он того стоит. Но я еще подумал- почему этот жирняга не стал будить Боря, который спал рядом? Боря намного надежнее меня. Молчаливый, крепко сбитый, он сразу внушает к себе симпатию и уважение. Но вот, не стал. А я все еще выгляжу как пацан. А может, потому что моя кровать ближе к кровати Джорджа? Ага, как же...

В общем, хорошего ответа у меня не было, поэтому я решил прекратить думать на эту тему. И стал под душ.

Когда шел на дежурство, встретил нескольких наших. Я спросил-где они дежурят? Мне ответили, что они идут в синагогу. Сейчас начались дни перед Йом-Кипур, и надо сказать молитву «Изкор» за родных. Я пошел с ними помолиться за умершего папу.

Мне дали текст, я стал раскачиваться как другие, и читать его. Читал по складам, но читал. И думал: где сейчас мой папа, и думает ли он обо мне и моем брате? Мне нечем было похвастаться перед ним, я ничего такого не добился тут, только жил. Но я думаю, что все равно ему было бы приятно увидеть меня, потому что и мне очень хотелось его увидеть. Хоть издали. Я бы шел за ним, сорокалетний за восьмидесятитрехлетним, и смотрел бы на него. Брат мой, наверное, тоже бы хотел такого. Я очень грустил. И почти заплакал. Чтобы меня не видели таким, я досказал слова и сразу вышел.

Солнце светило вовсю. Еще немного, и надо будет прятаться в сторожевой будке. Тут как раз вывели на прогулку заключенных. Почему-то, раньше обычного. Россар друз, крикнул мне снизу, чтобы я перешел на вышку на время их прогулки. Я сказал-яалла, но не стал. На вышке ты стоял полностью открытый для солнца. Это, во-первых. А во-вторых, мой пост был на крыше, и покидать пост по уставу, запрещено. Я должен охранять территорию казармы,

своих товарищей, а не заключенных арабов. На это есть ребята из военной полиции. Это их дело. Не говоря уж о том, что у советских, и даже бывших, лагерный «попка» не в почете, а и наоборот, считается за падло. Так что, фуюшки вам.

В будке была старая газета, я стал ее читать. Читаю я еще не так споро, как порусски. А надо бы споро. Лень моя, к стыду моему. Каждый раз даю себе слово-завтра начну улучшать свой иврит. Увы и ах...

Меня потревожил крик снизу. На сей раз это был милуимник из военной полиции. Сержант. Он повторил просьбу друга, чтобы я переместился на вышку. Я крикнул ему: «А где ваши ребята, почему нет вашего дежурного?» Он сказал: «Заболели, и в отпуске»

Я сказал, что не могу покинуть свой пост, и что мой командир этого не одобрит. Он покачал головой, и сказал, что сейчас пойдет и договорится с моим командиром. Я ответил, что никто не может заставить меня нарушить устав, и что ходить не надо. Он еще раз посмотрел на меня и сказал, что он меня запомнит. Ему было лет тридцать. Меня такие слова, «я тебя запомню», бесят, и, если бы он был рядом, я бы с ним говорил иначе. А тут он был не рядом, и я демонстративно углубился в газету.

Наконец меня сменили, и я сошел вниз. И громко сказал Джорджу, чтобы он больше не практико вал такие дела часто, и шел сам дежурить. На удивление, Джордж не огрызнулся, он выглядел озабоченным, и я понял, что Рэмбо еще не вернулся. Надо было объявлять его в розыск. Чего делать совсем не хотелось. Но это проблема Джорджа.

По пути в столовую я сказал Боре, чтобы он не ел много. Надо, наконец, начать бегать, а то с этими пьянками мы совсем опустились.

- Хорошо, только жо... рвать не будем. Согласен?

Мы переждали часа три, одели что-то похожее на спортивное, и вышли на старт. Десять кругов мы кое-как пробежали, но, когда я стал делать какие-то обычные упражнения, ничего у меня не шло. Тело сопротивлялось, я перестал. Боря предложил поголодать три дня, благо ни Йоси, ни Амира ма не было. Можно было не пить и немного очиститься. Я поддержал его и сказал, что отныне мы не будем пить воду из крана, а только кипяченую. Еще я сказал, что хорошо бы нам сделать клиз му, но где ее тут взять? Боря сказал - надо сходить в санчасть, может там есть. Он сходил и вернул ся. Клизмы у них не было. Более того, врач, когда Боря сказал, для чего нам нужна клизма, стал его убеждать не делать этого. Тут Боря процитировал врача: «чтобы не вызвать атрофию функции прямой кишки»

- Мудак он, этот врач, где он это вычитал! Пойду, и скажу ему это.

Я пошел в санчасть. Врач, когда я сказал ему, что уже делал клизму в таких случаях не раз, посмотрел на меня удивленно, и сказал, что вода должна входить в организм сверху, а не снизу. Я не стал с ним спорить, я увидел то, что мне нужно. Это был оранжевого цвета шланг, предназначенный для взятия желудочного сока. Его я и попросил у врача. Он неодобрительно посмотрел на меня, но дал, прибавив-с возвратом. Когда я шел к Боре я подумал, что этот шланг мы будем вставлять в жо..., а желудочный сок берут сверху. Станный у нас врач.

Мы взяли литровую пластиковую бутылку, отрезали дно, к горлышку прикрепили конец шланга, и клизма была готова. Второй конец, который предназначался для наших «отверстий», был немного толстоват, но...на войне как на войне.

На ужин мы не пошли. Пили воду. Я нашел газету и снова стал читать на иврите-мне понравилось. Потом пришел Боря и сказал, что в расписании дежурств, Джордж снова поставил меня на ночное дежурство, с двух до пяти, вместо все еще не приехавшего Рэмбо.

- Отлично! Джорджи –бой вошел во вкус. Но...фуюшки ему на сей раз.

- Не пойдешь? А Рэмбо выручать?

- На сей раз, кто-нибудь другой. Мы же все тут братья.

- Может лучше ему сказать об этом?

- Не надо. Не бери в голову

Мы сделали друг-другу клизму, и обрадовались, что у нас получилось. Потом стали под душ, и в койку.

Все-таки этот Джордж попытался поднять меня около 2х часов ночи. Но я повернулся лицом к стенке, и раздельно сказал ему по-польски, чтобы он «шел в дупу». Потом повторил это на идише, и добавил, что шансов у него нет.

Видимо, голос мой прозвучал убедительно, потому что больше он меня не трогал. Уходя, он сказал: «Хорошо, но утром в восемь ты дежуришь, учти». И отошел.

Рэмбо не было уже двое суток. Я спокойно отдежурил на крыше свои два часа, на сей раз спать совсем не хотелось, а когда вернулся в комнату, узнал, что Джордж доложил начальству о пропа же Рэмбо. За то, что он доложил об этом лишь на третьи сутки, его сильно «трахнули». А Рэмбо теперь суда не избежать.

Рэмбо все любили, как любят добрых дурачков. Мне, кстати, за все мои милуимы, несколько раз попадались такие «дурачки». Зачем их призывают в милуим? Они ведь могут и стрельнуть нечаян но. Я уже говорил, что и мне очень хочется и давно уже, стрельнуть, но я же другое.

Кто-то сказал, что Рэмбо наверняка просто загулял, решив: семь бед-один ответ. И что вот-вот он явится. Я сказал, что Б-г охраняет таких как Рэмбо, и хорошо, что у нас он есть. Джордж посмотрел на меня и сказал- что вдруг я заговорил о Б-ге?

Я хотел ответить пожестче, но тут пришел солдат и сказал, что Джорджа хочет видеть начальство.

Джордж вернулся, лицо его было очень бледным. Он сказал, что командир сообщил ему, что ара бы пырнули ножом одного еврея, который приехал в арабский гараж ремонтировать машину. Минут через десять об этом сообщили по радио. Когда мы это услышали, мы все как один сказа ли- это точно не может быть наш Рэмбо.

Но на душе было тревожно. Ее через полчаса радио сообщило, что этот еврей, из Ашклоне, и он умер в больнице. Имя покойного не назвали.

Рэмбо тоже был из Ашкелона. Настроение у нас немного испортилось. Я сказал, что нашего Рэмбо х...кто убьет. У него же кроме ружья М-16, при себе еще и револьвер, и он им владеет как настоя щий ковбой. Рэмбо работал охранником в больнице. Вдобавок, я сказал, что Рэмбо прошел вой ны, и вполне справится с любыми арабами. Джордж лег на кровать и повернулся лицом к стене. Впервые все сочувствовали Джорджу, что он на свой страх и риск отпустил Рэмбо на день.

Джорджа снова позвали к дежурному офицеру. Все ждали его возвращения, всем было тревожно. Джордж вернулся и сказал, что решено послать двоих к Рэмбо домой и проверить, где он. Поеха ли Питер и Дэри.

А мы с Борей пошли на дежурство. Взяли каждый с собой по бутылке кипяченой воды. Самочувст вие было хорошим, у обоих немного язык начало обкладывать. Мы пили воду. Боря сказал, что вполне терпимо, только голодать скучно. Я согласился с ним.

После дежурства мы легли в койку. Боря заснул, а я ворочался и не спал. Второй день всегда трудный. Третий тоже, но пока был второй. Если преодолеешь и третий, то на четвертый ты в недоумении: не можешь решить-продолжать дальше, или нет? У меня уже был опыт.

Когда Боря проснулся, я предложил побегать. Одеваясь, он сказал, что у него немного болит голова.

- Это нормально. Все идет как надо. После вечерней клизмы пройдет.

Перед началом бега Боря произнес традиционную фразу что «он не намерен драться жо...», и мы побежали. Ребята, дежурившие у ворот, встретили нас аплодисментами. Это нас очень оживило, наша рысца стала тверже и воздушнее. Боря бежал, ровно дыша, по голой спине его с красивыми мышцами текли струйки пота. Он был похож на стальную дверь крепкого сейфа. Я считал круг, один...два...пятый...шестой... Когда мы пробегали мимо прогулочного двора заключённых, они всегда останавливались и смотрели на нас. Может быть, они завидовали нам, что мы свободны и можем вот так бегать.

На десятом круге я сделал рывок и побежал быстрее, потом оглянулся на Борю. Он не ответил на мой рывок. Но когда до конца нашего бега оставалось метров двести, Боря прошелестел мимо меня и прибежал первым.

Потом мы не пошли в столовую, делали клизму, приняли душ, пили воду и легли в кровать.

- Прошла голова, Боря?

- Блин, я даже забыл про нее. Прошла. Поздравляю тебя с третьим днем.

На душе стало хорошо. Надо было, чтобы еще этот чудака Рэмбо вернулся невредимым, и тогда все вправду было бы хорошо.

Забыл сказать, что вернулись Питер и Эдри, и рассказали нам вот что: когда они приехали в дом Рэмбо, там никого не было. Соседи сказали, что видели его вчера днем и вечером, и сегодня рано утром еще видели, что он повез детей в школу. Посланные, поехали в больницу Тель ха-шомер, где работала жена Рэмбо, и где он сам работал охранником. Жена не удивилась их приезду. Она сказала, что утром Рэмбо поехал проводить ребят в школу. Потом он собирался вернуться в часть. Джордж выслушал их рассказ и сильно сжал зубы.

Все ушли на ужин. Мы лежали, лежали и молчали. Где этот чертов Рэмбо?! Наверняка все думали только об этом. Я повернулся к Боре чтобы что-то его спросить. В дверном проеме стоял Рэмбо. С небольшой улыбкой на лице. Улыбка была немного кривой, не полной. Я окликнул Борю, который лежал спиной к двери.

Мы с ним очень обрадовались, что Рэмбо жив и вернулся, но на шею ему бросаться не стали. Я даже сказал ему: «Рэмбо, тебе пи...ц!»

Он немного помолчал и сказал: «Почему? Что вдруг?»

Ну, что тут сказать? Я же говорил, что Рэмбо – особенный дурачок. Боря сказал: «Рэмбо, поставь ружьё в пирамиду и сядь, у тебя усталый вид»

Он так и сделал, сел на Борину кровать и спросил: «Ну, что происходит у нас, какова ситуация, какие новости, расскажи?»

Боря хохотнул и сказал, что главная новость - Рэмбо. И что сейчас вернутся все, и Джордж, который и расскажет ему «какая нынче ситуация и какие новости...»

Постепенно комната заполняется. Рэмбо встал, стоял и смотрел на всех. Простодушный Шимшон подошел к нему и сказал: «Привет, Израэль, - ты вовремя вернулся, мы все тебе рады».

Я впервые услышал, как зовут Рэмбо. Все, кто был в комнате, подходили к Рэмбо, жали ему руку, и хлопали по плечу. А он все время улыбался с той же неполной, кривоватой улыбкой. Мы называли его Рэмбо, потому что он, в отличие от своего героя, был невероятно худ. Ни грамма, ни грамму лечки жира. Со Сталлоне его роднила очень похожая прическа, и ходил он так же. Ему было лет сорок, он воевал, и даже был ранен. В милуим мог не ходить, но вот ходил.

И вот он снова с нами, и всё, вроде, закончилось благополучно. Все смотрели на Рэмбо и на вошедшего Джорджа. Лицо у него было красного цвета, словно он съел за ужином много перченой пищи. Все молчали.

Боря опять хохотнул и сказал: «Рэмбо, я слышал, ты привез сигарет. Угости». Рэмбо пересел на свою койку и сказал: «Ты же не куришь, Боря»

- Я не курю, но ты ребят угости.

Рэмбо достал новую пачку, открыл ее, подошел к каждому, и протягивал пачку. Все брали сигарету, хотя у каждого они были. Вот Рэмбо подошел к койке Джорджа и протянул пачку ему. Джордж смотрел на пачку, потом на Рэмбо, тот стоял с протянутой рукой. Рука у него слегка дрожала. Джордж взял сигарету. Рэмбо вытащил зажигалку и дал Джорджу прикурить. Все рассмеялись. Рэмбо слабо улыбнулся.

- Ну, расскажи хоть, где ты был, - сказал Джордж.

Рэмбо присел на корточки и стал рассказывать. Он повторил рассказ Питера и Эдри до того места, когда утром он повез детей в школу. Потом он сказал, вечером долго уговаривал жену не разводиться, но если она не согласится, чтобы он хоть чаще видел детей, потому что без них он не может. Утром он повез детей в школу, но по дороге ему вдруг пришла в голову отличная мысль.

-Мы сегодня не пойдем в школу, - сказал он, - а поедем в парк развлечений, и там повеселимся.

Дети были в восторге. Их у него было пятеро. Две девочки и три мальчика. И все оставшееся вре мя они провели в разных развлечениях. Когда, якобы, закончились уроки, он позвонил жене на работу и предупредил ее, что задержится с детьми. Она не возражала. Вот и все. Потом он отвез детей домой, поцеловал их, и поехал в часть. Никто ни разу не прервал его. Рэмбо окончил свой рассказ, вытащил еще одну сигарету и закурил.

Около тридцати минут пришлось уговаривать Джорджа, чтобы он не писал заявления в суд против Рэмбо.

Джорджа можно было понять- случись что с Рэмбо, под суд пошел бы он. Никакие наши уговоры не помогали.

И вдруг Боря произнес по-русски: «Джордж, не будь говном, ты же наш товарищ!»

И Джордж сказал: «Ладно, пусть будет по-вашему»

Итак, мы снова были все вместе и несли караульную службу по охране объекта номер хер знает какой. Мы с Борей снова охраняли ворота с десяти вечера до двух ночи. А не должны были.

Я было расчувствовался, когда Джордж обоссался с Рэмбо, и особенно, когда он его простил, но сейчас я готов был натянуть ему на голову...ну, вы поняли. Специально же поставил нас в такое место и такое время.

Мы сделали себе по клизме и взяли по бутылке воды. На сей раз мне совсем не хотелось спать. А вот Боре-да. Машину подгонять было еще рановато. Я сказал ему, чтобы он примостился на ска мейке в сторожевой будке. Там, правда, можно было лежать только свернувшись калачом. Боря так и лег. Я сказал ему-если будет шухер, я тут же его разбужу. И стал ходить около ворот. Язык еще был обложен, но уже не так. В общем, было хорошо. Я присел на большой валун и стал думать. Куда-то меня повело, из этого места. Я уходил отсюда и радовался, что ухожу. Но куда? Милуим продолжался. Я оставался в форме, только место поменялось. Я узнал его, это был мост «Адам», где я делал свой первый милуим.

Кто-то твердил мне, что тут я начну свою новую жизнь, и спрашивал меня-как я начну, что буду делать? Дурацкие вопросы, на которые у меня не было ответа.

И мне повезло. Кто-то тряс меня за плечо. Еще не открывая глаз, я понял, что все это мне присни лось. Потом я открыл глаза и посмотрел на руку, которая трясла мое плечо. Я пытался определить, чья эта рука, не проверяющего ли?

Взглянув выше, я увидел Рэмбо. Он говорил что-то мне непонятное. Видимо, я еще до конца не проснулся, раз не понимал его слов.

Рэмбо, как будто догадался, что мне надо. Он протянул бутылку с водой. Я налил воду на руки и обмыл лицо. Рэмбо произнес еще несколько слов, это был не иврит. Я начал понимать его речь, но не понимал, как это Рэмбо может говорить на румынском языке.

Он говорил не очень связно- сидишь как мешок...легко застрелить как...и еще что-то. Потом Рэмбо перешел на иврит и сказал, что мы оба, я и Боря, спим, а ему не спалось, он все время думает про свой развод, и вот, захотел с кем-то поговорить, и пошел к воротам.

Хорошо, что это он нашел нас спящими, сказал Рэмбо. А не проверяющий офицер. А еще хорошо, что арабы такие глупые и не пробуют напасть на эту тюрьму. Но если бы, скажем, они попробовали это сделать в эту ночь, нас с Борей, точно бы застрелили.

Потом Рэмбо рассказал, что во время войны, он стоял на посту, сирийцы были совсем рядом, а ему так хотелось спать! Но нельзя было это сделать, никак нельзя. И он лил воду себе на голову, на одежду, только бы не спать. Он был весь мокрый, но не заснул.

- Знаешь, если бы это происходило в России, и ты бы стоял на посту, и была бы зима, а ты бы лил на себя воду, ты бы точно простудился. Не так? Тебе повезло, что ты воевал в теплой стране.

На это Рэмбо сказал, что знает, что такое холод, потому что детство провел в Румынии, где бывали холодные зимы.

- Так вот откуда твой румынский! - воскликнул я. — Я и не знал, что ты из Румынии. У тебя чистый иврит.

Рэмбо сказал, что репатриировался в Страну еще ребенком. Когда началась война Судного дня, ему было 28 лет. И он воевал с первого дня.

Я спросил его-как он узнал, что я знаю румынский, и почему он плохо говорит на своем родном языке?

Рэмбо сказал, что в детстве говорил хорошо, но приехав в страну, дома родители перестали говорить по-румынски. Такая в те годы была политика-говорить только на иврите.

Он слышал как-то, как я хорошо выругался на румынском, но не подал виду, что знает румынский. А вот теперь, ему вдруг захотелось сказать мне что-то по-румынски.

Видимо, мы как-то сблизились с ним. Я спросил его, как он воевал. И был ли он в атаке?

- А как же! - воскликнул он, - видел бы ты сколько я видел убитых!

Он начал рассказывать про какой-то бой, и я уловил, что он немного привирает.

Иначе он не был бы Рэмбо. Но мне это не мешало, он был хорошим человеком.

Я спросил- не боялся ли он?

- Еще как. Ты бы видел меня! Я вообще-то большой трус, только ты никому не говори. Но тут воевали все, куда было деваться. А иначе, у нас не было бы Страны. Ты ведь знаешь, что в нашей армии почти нет никаких наград, как в других армиях. Я провоевал всю войну, но у меня нет никаких наград.

Потом я спросил его-может, между ним и женой все решится миром, и они не разведутся?

Рэмбо вздохнул, помолчал, и сказал, что до сих пор не поймет, почему жена, с которой он прожил немало лет, хочет с ним развестись.

- Женщин не поймешь. Она говорит, что устала. Ну и что...Ну, есть какие-то обиды, но это всё чепуха. Пятеро детей, это как? Я их очень люблю, и не могу представить, что не буду видеть их каждый день. Знаешь, я думаю, что человек меняется в течении какого-то времени. Может, когда кончится милуим, она передумает?

- Алэвай. Но ты пойдй к Стене и положи записку. Сам знаешь, что попросить.

- Ты мне дал хороший совет, я так и сделаю. Но если не поможет, и мы разведемся, я сниму квартиру рядом, и каждый день буду видеть детей. Уж в этом, надеюсь, Б-г мне не откажет.

Мы стоически продолжали голодать. Шел уже шестой день. Соблазны вились вокруг нас. Поход в столовую был ведь не только причиной, чтобы поесть, это было удовольствие общения, делания чего-то интересного. Когда я раньше голодал, меня спасало то, что я все время был чем-то занят. Это кроме интересного и полезного общения с женщинами. А тут все было однообразно и скучно в почти запертом пространстве.

Вернулись из отпуска Йоси и Амирам. Привезли много вкусного и выпивки. Амирам, когда я ска зал ему, что мы с Борей голодаем, и временно прекратили пить, посмотрел на меня с большим сожалением, и сказал: «У тебя кто-то умер, не дай Б-г?!» Но ни я, ни Боря не высказывали мысль прекратить.

На седьмой день голода утром мы с Борей дежурили на крыше. Начинался чудный день. Когда только поднимаешься по лестнице, и голова медленно вылезает за козырек крыши, глаза заливаются таким розовым светом красного шара, выплывающего из-за косой кромки горы, что поневоле закрываешь глаза. Уже на крыше, ставишь ружье в угол будки, сам садишься на табуретку лицом к солнцу, и умываешься его теплом. На какое-то время все заботы и неудачи отходят. Солнечный шар еще не так раскален, на него еще можно смотреть, чуть прикрыв глаза, но пройдет еще немного времени, шар этот будет прямо над твоей головой, и он будет настоящим солнцем.

Так я сидел, грелся на солнце, как вдруг до меня донесся сильный запах кофе. Это во внутреннем дворике, где следователи друзья допрашивали арабов, кто-то варил настоящий кофе.

Я вспомнил, как когда-то в городе Акко, я зашел в магазин «ориентальных товаров», где продавец сварил мне на пробу какой-то сорт кофе, который я думал купить. Варил он его в джезве, поднимая над огнем несколько раз, не давая ему закипеть. Потом подержал его на весу и налил затем в небольшую чашку толстого фарфора. Он смотрел на меня как я пил, и не спросил понравился ли мне вкус его кофе. Он все видел на моем лице. Здесь на крыше, я как будто ощутил вкус того давнего кофе.

Я крикнул Боре, что мне нужно вниз, затем спустился по лестнице, вошел в комнату, достал из солдатской сумки пакет «Элита», вымыл и вытер насухо джезvu, взял небольшой пакет оставшегося сахара, бутылку воды, ложечку, и два стакана. Затем достал из-под кровати Йоси маленькую газовую горелку, положил все в пластиковый мешок, и так, держа все в руках, с ружьем на плече, поднялся на крышу.

А дальше, как обычно, засыпал в джезvu четыре полных ложечки кофе, одну неполную сахара, зажег горелку, поставил на нее кофе, и стал ждать.

Кофе стал густеть, густота стала подниматься, грозя вот-вот пролиться за край, я выключил горелку. Дал немного настояться, потом вывалил часть густоты в свой стакан, а оставшуюся, в другой. Затем я налил жидкости в оба стакана. Слой пенки подтвердил мастерство исполнителя.

Я взял оба стакана, поставил их на валявшуюся дощечку, и так, как на подносе понес к Боре на другой конец крыши.

Боря сразу все понял. Запах кофе он учуял издалека и ждал меня. Взгляд его был испытующим. Но не презрительным. Я же не испытывал угрызений совести. Но сказать он сказал:

- Смотрю, раскололся сука, да?
- Каюсь, но кофе стоил того. Попробуй, сам решишь.
- А как же сила воли, обязательства?
- Да, ну их нах... мы же с тобой всего лишь люди. И скучно стало, ей-богу. Но если ты не хочешь-не обязан.

Я стал наклонять Борин стакан, чтобы вылить содержимое.

- Ну-ну, не трогай стакан. Ты кого угодно уговоришь.
- Правильные слова. Узнаю разумного Борю. Но днем все-таки побегаем, потом в столовку, совсем немного пожрем, и сразу повеселеем. А то ты, смотри, совсем закис.
- Так это ты из-за меня, значит. Изображаешь настоящего друга...

Боря взял стакан, сделал движение, как будто чокнулся со мной, и сказал:

- Здравствуй, новая жизнь. По- моему, больше всех обрадуются Амирам и Йоси.
- Тем более, что Амирам привез чачу, а я ее очень люблю. Хороший кофе получился, да Боря?

Когда мы с ним, сидя на койках натягивали спортивную одежду, я пошутил, что «бегать будем по самочувствию, но жопу драть, не будем». Боря улыбнулся и согласился.

Пробегая мимо ворот, мы были встречены аплодисментами. На восьмом круге, пробегая мимо мусорных баков, Боря был атакован шмелем, и им же укушен в ногу. Он матернулся, но бега не прервал, и стойчески закончил дистанцию.

Мы съели по яблоку. В животе радостно заурчало. Потом мы пошли в душ. Боря стал осматривать ногу. Внизу, у самой лодыжки разливалась краснота и образовывалась взпухлость. Я предложил пойти в санчасть. «Посмотрим дальше»-сказал Боря. И мы пошли в столовую. Там на нас, те, кто знал, что мы голодаем, посмотрели удивленно. Но ничего не сказали. Мы съели салат из перца, помидор, и капусты. И больше ничего. Пока.

Вечером мы не пошли в столовую, сделали себе в последний раз клизму, опорожнились, и в восемь вечера заступили на дежурство. Боря хромал, но в санчасть мы так и не пошли.

Дежурили мы снова на воротах. И сказали друг-другу: спать не будем ни за что! Только расположились, подошел Рэмбо. Он притащил мангал и шницели, которые взял в кухне. Я спросил его-кто тебе дает эти шницели и почему? Он

сказал, что у него всюду есть протекция, и там работают его люди. Сказал он это уверенно и загадочно, как босс какой-то банды. Рэмбо был в своей тарелке. Он еще сказал, что Йоси и Амирам на подходе. И точно, они не заставили себя ждать. Амирам нес коробку. Медленно, как фокусник, глядя на нас с Борей, он достал какую-то закуску, потом литровую бутылку с прозрачной жидкостью. Это была чача, я всегда узнаю мой любимый напиток. Провокация, что и говорить, немалая. Совершенно неожиданно подвалили двое поваров. Ага, вот, значит, что за протекция у Рэмбо-это через его шницели. Нормально. Амирам пригласил их за наш стол. И сказал мне по-русски: «Ани пит нэ будэт, кушат тожи, толко бла-бла»

Боря угрюмо сказал мне, что пить не будет, и что опухоль увеличивается.

Я раздумывал, пить ли мне после шестидневной голодовки? Но во рту уже начинались смутные позывы, а в области пищевода что-то тихо сжималось.

Потом подошли двое ребят из военной полиции. Я сказал Боре, что у нас тут образовывается клуб по интересам. Затем подошел офицер, который был сегодня дежурным. Он был в майке и спортивных трусах. За плечи он держал девушку. Я узнал в ней нашу телефонистку.

Она тоже была в майке и спортивных трусах. И хорошо же она была сложена! Это оживило наше общество.

Офицер минуту раздумывал, как среагировать на грубое нарушение устава несения караульной службы у ворот. По идее, он мог написать на нас рапорт. И нас бы тогда судили.

Но, видимо, он не хотел огорчать свою девушку, которой, это было видно, хотелось посидеть у огня. Помогло еще отсутствие на нем формы, которое лишало его преимущества над нами. Как-то неловко было командовать нами в трусах и футболке. Сейчас он был просто молодым парнем с хорошенькой девушкой, которая без стеснения жалась к нему и обнимала его одной рукой за талию. Хорошие чувства взяли в нем верх, он сел на предложенный стул, а девушка присела к нему на колени. Он даже спросил- а где же ваша русская водка? Амирам достал литровую бутылку чачи, вытащил из нее пробку и дал понюхать офицеру. Тот понюхал и сказал: «Ух, крепкая, да?»

Амирам сказал: «Шестьдесят градусов. Выпьешь?»

Офицер посмотрел на свою девушку, и сказал, что попробует. Немного. Тогда Амирам налил ему грамм сто. Потом налил всем. Повара сразу сделали жест рукой и отказались.

Все ждали офицера. Он посмотрел на свой стакан, покрутил его в руке, и сказал Амирам:

«Слушай, я же не из Сибири. Ты думаешь, я смогу это выпить?» Девушка подтянулась к его уху и что-то ему пошептала. Он сказал ей: «Не бойся»

Амирам посмотрел на девушку, и сказал ей, улыбаясь: «Не бойся за своего парня. Не зря он офицер, он сможет»

- За жизнь! -скомандовал Йоси. И все стали пить. Офицер выпил половину стакана. На какое-то мгновение он не мог ни выдохнуть, ни вдохнуть, но когда девушка, которая заметила его слабость, повернула рукой его напряженное лицо к себе, он скривил улыбку и шумно выдохнул. Девушка захлопала в ладоши. «Русская» часть выпивающих одобрительно улыбнулась.

Я выпил. Чача обожгла мне губы. Я решил больше не пить, вдруг не пойдет после голодовки.

Амирам наклонился ко мне и многозначительно сказал, что мне «ест адын привэт из Ашдод!»

Я огорчил его полным равнодушием к его «привэту». Он налил всем чуть меньше по второму кругу, и сказал: «За нашу Страну!»

Я пить не стал. Офицер чуть пригубил. Выпили только Йоси и Амирам. Рэмбо выпил меньше половины. Боря как я уже говорил, не взял даже стакана в руки.

Амирам снова наклонился ко мне и спросил: «Кацо, пачему не пиёш?!»

Я посмотрел на него, но ничего не сказал.

Он по- своему понял мой ответ, дружески обнял меня за плечи, и сказал, что мы поедем вместе в Ашдод, и он устроит мне встречу.

Я убрал его руку с плеча, и снова посмотрел на него. Он уже был немного пьян и не понял моего жеста. А я подумал, что, как советовал Боря, если он скажет еще пару слов, я его ё.....у.

Девушка офицера, который все еще держал стакан, протянула руку, чтобы взять его в свою руку и сказала своему хаверу: «Тави ли, ани роца литом. Аль тифахед, кцат-кцат»

Все уставились на нее. Ее парень удерживал стакан. Он сомневался, он опасался. Амирам подбодрил его: «Дай ей попробовать, дай. Она же солдатка, не бойся» И добавил, обращаясь к ней: «Выдохни воздух, и выпей. Потом вдыхай»

Офицер все еще упирался, но девушка сделала усилие, и стакан очутился в ее руке. Долго раздумывать она не стала, поднесла стакан ко рту, подняла очи кверху, выдохнула, и выпила. Стакан был пластиковый и прозрачный, она выпила его весь.

Рэмбо подал ей питу с шницелем. Она сделала так, как советовал Амирам-вдохнула воздух.

И затем сразу укусила кусок питу. И осталась жива. Посыпались аплодисменты.

Все, кроме меня и Бори были немного пьяны. Особенно, офицер и его девушка. Он совершенно не замечал, что караул у ворот превратился в какое-то жрущее/пьющее место его подчиненных, размахивающих руками, что-то говорящих, и что-то доказывающих. Потом разговор вдруг перекинулся на тему: различие между советской и израильской армиями. За советскую армию отвечал Боря, который срочную не служил, так-как учился в институте. Но, тем не менее, имел чин лейтенанта: в институте была военная кафедра, и Боря каждое лето выезжал в солдатские лагеря. Настоящий патриот Израиля, он, как-то косвенно, но защищал советского солдата. Не армию, но солдата.

Мотая из стороны в сторону голову, чтобы скорее протрезветь, офицер говорил, что советский солдат не верит в коммунизм, что он метумтам, и поэтому он-слабая боевая единица! Что он заё...дисциплиной, не свободен, и не мыслит самостоятельно. И такой солдат будет плохо защищать этих блади факен коммунистов.

А израильский солдат, наоборот, и поэтому...

Я перебил офицера и сказал: «Что, верит в коммунизм?»

Все заржали, и начали каждый говорить своё. Боря спросил-откуда офицер знает так хорошо, какой он, советский солдат? Офицер ответил, что ему рассказал бывший советский солдат, ныне-милуимник.

- Твой милуимник- мудак. Советский солдат совсем не такой. Он несчастен, потому что его унижают, он несвободен, но он не дурак. И даже то, что он антисемит, он не виноват. Его таким воспитали, вбили ему в голову всякое...

Потом офицер сказал, что в Афганистане советских солдат было намного больше, чем афганцев, и техника была у них лучше и больше, а ничего сделать не могли. Можно сказать, что их там побиили.

На это Боря сказал, что, можно и так сказать, но если бы кто-то напал на Россию, солдат этот воевал бы совсем иначе. И добавил, что израильская армия, да, намного лучше, чем советская.

И мы немедленно выпили за это. И Боря, и я - мы тоже выпили. А как тут не выпить. И все снова были едины.

Девушка снова жалась к своему офицеру, нам они нравились оба. Так обнявшись, они горячо, да, именно так, поблагодарили нас и ушли. Офицер на прощанье сказал, чтобы мы были внимательны и берегли себя.

Амирам собрал все манатки, Йоси спросил меня, как мы с Борей чувствуем себя, и они тоже ушли.

Я снял с мангала решетку, и положил в угли припасенные несколько картофелин. Когда они спеклись, мы съели их, посыпав солью. Сто лет не ел такой вкусноты!

В два часа ночи нас сменили. По дороге в казарму Боря сказал мне: «Ты заметил, Рэмбо совсем не участвовал в разговоре. Впервые такое вижу за ним. Почему, как думаешь?»

Действительно, Рэмбо, который всегда вставлял свое слово, всегда спорил, на сей раз, как будто его и не было с нами. И правда- почему?

В семь утра мы снова дежурили у ворот. Это была пятница - день свиданий. Родителей, с их детьми. Тех, кого мы охраняли. Родители начали приезжать уже с раннего утра. Большим числом: бабушки и дедушки, все дяди и тети, племянники, племянницы, и так далее. Словом –все родственники. С большими сумками еды. Они усаживались около ворот в ожидании, когда их начнут пускать в дворики, где должно было быть свидание. Это был огороженный участок земли, в середине стояли столы, перегороденные проволоочной сеткой наподобие волейбольной. Но поменьше. Родители, с одной стороны, дети-с другой.

В восемь часов толпа стала весьма внушительной. Все время прибывали новые такси. Пятница для мусульман- еврейская суббота.

Сюда приезжали со всех концов маленького Израиля. Чтобы увидаться с «героем», которого евреи называли террористом. Подошли еще шестеро милуимников из военной полиции. Они обыскивали приехавших. Обыск, ну, это я перегнул. Обыскивали они весьма формально. Специально прибывшие девушки, солдатки срочницы, обыскивали женщин.

Можно было спрятать в сумках с едой нож, гашиш, еще что-нибудь запрещенное, и с этим пройти на свидание.

Но никто из родителей почему-то не делал этого. Слово «почему-то», я зря прибавил. Но пусть остается. Я впервые дежурил в такой день, и все мне было интересно.

Всем, что тут происходило, распоряжался тот самый друг Гадир, которого мы называли «толстый живот».

Он был главным и в тюрьме, этот капитан, похожий на бочку. Ходил он быстро и вразвалочку, и вся его внешность и повадки были всем приятны. Но не подумайте, что он был таким добреньким, нет. Обитатели камер боялись его и старались не сердить. О нем мы знали, что раньше он был майором, но с него сняли одну лычку за что-то серьёзное, но в тюрьме оставили. Авторитет и власть его ничуть не уменьшились. Он был лучшим тут допросником, и всегда добивался максимальных сведений от своих подопечных. Словом, он бы тут и Б-г и Царь.

Вот, он вышел, этот бочонок, засунув обе руки по бокам за пояс-так он всегда ходил. Когда он приблизился к этому людскому гомону, тут же раздалось-Салям, Салям алейкум, г-н Гадир!

Г-н Гадир козырял всем, держа в руках листок бумаги. Как только он взглянул на этот листок, шум стал стихать, и совсем затих. Потому что в списке этом были фамилии тех, кому свидание разрешено. А были и такие, кому-нет. Это те, чей сын недавно прибыл в тюрьму и еще был в карантине. Ему свиданка не положена.

Или, кто проштрафился. Но никто из родителей не хотел верить, что фамилия его сына в черном списке, нет.

И родители приехали все равно. А вдруг! Да даже побывать тут, близко от камеры сына, метрах в пятидесяти- будто побыть рядом с ним.

Но вот Гадир оторвался от списка, и махнул рукой, что означало: калитку открывай!

Это нам с Борей приказ. Джордж, посылая нас на это важное дежурство, предупредил, что по команде Гадира, калитку открыть должны мы с Борей. Один открывает, второй стоит в метре с взведенным затвором и полным магазином.

Мы так и сделали. Лица наши серьезные. Как настоящие профи, мы смотрим по сторонам, пробегаем по всем лицам. Совсем, как бодигарды настоящего Президента.

Со многими отцами Гадир здоровается за руку. Когда он это делает, я думаю: а вот, если бы он попал в руки ребят Арафата, этот царь-Гадир?! Его имя известно во всех арабских городах и деревнях. Что бы с ним сделали братья его по крови?

Первыми входят матери. С большими сумками с едой в руках. Мужчины сумки не тащат. Не их это дело. Их снова осматривают и ощупывают. Все спокойно. Не было еще такого, чтобы кто-то из родителей рискнул судьбой сына, которому и так грозит срок. Или штраф. Но говорят, что малолеток надолго не сажают, а штраф платит дядя Арафат.

За женщинами и малыми детьми идут отцы и деды. Идут степенно, неторопливо, братья наши двоюродные.

Ну, вот, все зашли. Осталась небольшая кучка. Те, кому сегодня разрешения не дали. Гадир огорченно хлопает себя по жирному боку. Цокает языком сочувственно, но пустить-не пускает. Мне кажется, что он мог бы их впустить-никто его не проверяет. Но он тверд. Может, просто неохота терять еще одну лычку...

Наконец, идут наши заключенные малолетки. Странно, идут без большого сопровождающего конвоя. Только двое охранников идут сбоку. И все. Может, вся надежда на нас с Борей? Шутка. Мы только охраняем ворота, к зэкам мы никак.

Малолетки радостно спешат. Вот они вошли во дворики, и сели за стол напротив своих. Между ними проволочная сетка. Молодые протягивают губы через проволочную сетку. Рот вполне помещается, и целуются три раза со своими матерями, батками, и другими, которые родственники.

Около места, где я стоял, сидел малолетка. Напротив, его мать. И рядом сестра. Ему было около восемнадцати, ей, около четырнадцати. У него была густая черная борода. Он сначала поцеловался с матерью, потом с сестрой. Он поцеловал ее в щеку, и у нее тот - час же появилась в одном глазу слеза. После второго поцелуя, слеза появилась в другом, и обе поползли вниз, к крыльям носа. Выражение лица у девочки было счастливое.

Она увидела, что я смотрю на них, и смущенно вытерла слезы. Мне стало неловко подглядывать, да еще с оружием в руках. Еще я видел, как одна мать, поцеловав своего сына, протянутыми через сетку руками, задержала его лицо в ладонях, и смотрела на него, своего любимца. Ему было лет пятнадцать, ей не больше тридцати пяти. Да, я много чего увидел там, отчего на душе может стать даже грустно.

Первенство здесь отдавалось матерям-они сидели за столом, ближе всех к сыновьям. Мужчины стояли сзади. Матери вытаскивали из сумок еду. В основном, целую курицу, или хороший кусок вкусного мяса. И обязательно питу с хумусом. И дали сыну. Все через эту проволочную сетку. И сын ел домашнюю еду. Мать достала овощи, фрукты, соки. Сын ел и говорил с родителями. Все ели и говорили. Человек двадцать террористов. Шестьдесят родителей и родственников.

Те родители, кто не получили разрешения на свидание, отошли от ворот, и двинулись вокруг запретки к ближней стене тюрьмы, к окнам. Они начали выкрикивать имена своих детей, кто остался в камере. Не все сразу, не беспорядочно, а один за другим, в очередь. Дети слышали и отвечали. Шел перекрик, и каждый ждал своей очереди.

Я стоял по другую сторону запретки, смотрел и слушал. Меня послал Гадир. Сказал-посмотри там, что, да как, и чтобы родители не подходили близко к запретке. Они, давка, знают, но все- таки...

Говорят, раньше кричали беспорядочно, и никакого толку не было. Гадир навел порядок. Подошли еще трое солдат. Двое из военной полиции, и один из наших. Их тоже послал Гадир. Родители знали цель приближения этих солдат. Они стали кричать слова прощания, и отходили подальше от проволоки.

Но вот раздался чей- то крик из камеры. Одинокий, зовущий. Некоторое время, небольшое, длилось молчание, потом кто-то из родителей решился и откликнулся: «Не кричи, сынку, я здесь, я слышу тебя, сынку!» Совсем, как Тарас Бульба, если кто читал.

Солдат, что из наших, крикнул родителям: «Ну, халас, халас!» Это значит-хватит, хватит!

Крикнул незлобно, дружески. Он понимает горе родителей, чьи дети сидят в тюрьме. Он сам родитель аж пяти детей. Если вы не догадались, - это наш Рэмбо. Без него такие события не проходят.

Он говорит еще что-то по- арабски, и родители отвечают ему на том же языке. Рэмбо хорошо говорит на арабском. Много лучше, чем на румынском. Он весь в деле, как будто не Гадир, а наш Рэмбо тут главный. От усердия глаза его сверкают, кажется, что они даже немного вылезли из орбит. Но это у него просто такое строение глаз. Он махнул мне рукой, но не задержался около меня, он занят, и двинулся дальше, к дальнему концу тюремного корпуса. Забыл сказать, что в руках он держал не М-16ю, а свой личный револьвер, с которым он работает в охране больницы. Если бы Рэмбо сейчас был одет в кожаной

тужурке, был бы он похож на настоящего чекиста в момент поимки бандита. Вот он какой, наш Рэмбо!

Свидание длилось уже больше часа. Я ходил около проволочной сетки. Смотрел на их лица, наблюдал за их разговорами. Кто они, тоже семиты и наши, а мы их называем- «двоюродные братья». В иврите и арабском есть немало похожих слов. И что с того...Похожие, не похожие, они наши враги. Даже образованные, культурные арабы. Не вчера началась эта вражда, не завтра она кончится. По мне, так лучше всего если бы они все распределились в различные арабские страны, которых много. Но это невозможно, и вряд - ли когда случится.

На меня никто не обращал внимания. Только Гадир, который тоже прогуливался около дворики, увидел меня и сказал, что я-молодец. И скажу вам честно и по секрету, мне его похвала была до фени. Кто он такой для меня, чтобы он меня хвалил...Наверное, он подумал, что я такой же радивый, как и Рэмбо, и слежу за порядком.

Я вглядывался в лица отцов, дедов, матерей, наконец, их детей. Тех самых, которых называют террористами.

Юноши от 14 до 18 лет, ели вкусную еду, приготовленную руками матерей, пили сок, курили сигареты. Они немного разомлели, лица их были добры и ничуть не злобны. Почему раньше, когда я видел их на прогулке, он казались мне злобными? Вот, не зря говорят, нельзя судить по первому впечатлению. Сейчас, это были одни из самых лучших минут их жизни.

Я увидел, как один араб, лет пятнадцати, худой, хорошо сложенный, разговаривал со своей бабкой. Оба курили. У молодого пару раз погасла сигарета, он протягивал ее сквозь сетку, и бабка прикуривала ему от своей зажигалки и передавала ему. Внучок все время спорил с ней, а она иногда смотрела на него, как на маленького кутенка, и, если бы не проволочная перегородка, наверняка бы погладила его по головке. Это был кадр для хорошего кино, так они оба были увлечены разговором, курением, жизнью.

Бабка была в платке, повязанном как у казачек. Лоб, почти весь закрыт, лицо сухое, коричневое, и как у цыганок, монисто из монет. Она вполне сошла бы и за эскимоску.

Женщины помоложе, были одеты во все черное, на груди из другого материала была пришита нашлепка с вышивкой крестом, она шла от горла и почти до пояса. Красивая вышивка и у всех почти одинаковая. Черный платок укрывал голову. Брови и глаза почти у всех были накрашены густой черной краской. Как у неживых египтян в музее Каира. Были красивые молодые лица, а у постарше- следы былой красоты.

Но вот часы свидания закончились. Родители стали прощаться со своими детьми. Снова поцелуи, объятия. И наконец, мы с Борей стали выпускать родителей. А заключенных, опять же под сопровождением двух солдат, повели в камеры.

Двор опустел. На столах и на земле остался мусор, который вскоре убрали. И наше с Борей дежурство кончалось. Пришла смена, и мы потопали в казарму. По дороге мы молчали. Вроде ничего не делали, а устали.

Боря вдруг сказал мне: «Ты видел их лица?»

- Чьи лица?

- Не придуривайся. Этих пацанов. Вполне человеческие, да? А мы их держим чуть ли ни за злобных питекантропов. Может, они становятся такими, когда гуляют внизу, а мы наверху с оружием? Когда мы их враги, а?

- Да, наверно, это так.

- А что это наши будущие враги, и не самые пустячные, об этом не думаешь?

- Поживем-увидим.

Когда я после душа лежал на кровати, я представлял себе, как эти малолетки, тоже лежат на койках, переполненные чувствами и едой, вспоминают только что бывшее свидание. А те, кому свидания не дали, едят пищу, которые им дали их сокамерники. И все довольны, настроение хорошее. Грустновато конечно, в пятнадцать лет сидеть в закрытой камере, но ничего, придет и их час. А пока их выручит Арафат, в беде он их не оставит.

Теперь расскажу, про то, что меня, точнее, нас с Борей, смутило, удивило, и сильно насторожило, и вообще, не подберу даже слова подходящего.

На следующий день мы дежурили с ним на крыше. Я в одном конце, он в другом. Не помню, говорил ли я, что это была крыша нашей казармы, где мы спали, отдыхали, и вели всякие ненужные разговоры.

Иногда даже книжки читали. Крыша большая, длинная. Метрах в трех, начинался край другой крыши. Это была крыша казармы, где жили военная полиция и следователи друзья. Там же у них были допросные кабинеты.

С конца нашей крыши, была немного видна часть их двора, по которому они ходили, и где иногда, играли даже в футбол. Тогда видны были только их ноги, пролетающий мяч, и шум восторженных голосов, когда мяч был в воротах.

Мне всегда казалось, что там, в их дворе, происходит что-то большее, чем ходьба и футбол. Но с нашей крыши этого увидеть было нельзя. Мне, вдруг

захотелось увидеть весь двор и там происходящее. Для этого надо было попасть на их часть крыши. Например, перескочить с нашей на их. Расстояние между крышами, как я уже говорил, было немногим больше трех метров. На физкультуре в школе, наш физрук, всегда заставлял нас проделывать различные элементы легкой атлетики, которую он очень любил. Мы бегали сто, двести и более метров. Даже с барьерами бегали, прыгали через перекладину и в длину.

Я был плох во всех этих упражнениях, и предпочел бы не участвовать. Но никакой возможности сачкануть не было. Он все помнил, и вытаскивал тебя на старт. И у кого не получалось, он упорно повторял-ты можешь, просто ты не веришь в собственные силы. Попробуй еще раз, но только верь, верь!

И иногда я улучшал свой собственный никчемный рекорд. Несмотря на злобу против него. Когда мне что-то удавалось, я был обрадован, и он становился не так ненавистен.

Вот и сейчас я вспомнил его уроки, его слова «верь-верь», когда мне надо было прыгнуть на другую крышу и преодолеть эти три с чем-то метра.

Первое, что пришло мне в голову: прыгать с оружием, или оставить его в будке?

Строжайше запрещено вооруженному солдату, пусть даже милуимнику, оставлять свое оружие где бы то ни было на любое время. Это нам вбили в голову с самого начала, как мы одели солдатскую форму, и это впиталось в нас, ну, как, скажем, что Ленин и теперь живее всех живых!

Прыжок над пустотой, это вам не прыжок на три метра просто на земле. Это малость страшновато. Это в кино, когда мы видим, как преследуемый герой, прыгает с крыши на крышу, между которыми почти десять метров, мы не боимся за него. А тут...А тут я сказал себе-ну, да, ты давно не прыгал, но ты прыгнешь. Как учил нас наш физрук, надо верить.

Важно еще не закусить край крыши, и попасть плюс-минус в правильное место отсчета прыжка. Я примерился пару раз, винтовка висела у меня на плече. Я ее закрепил дополнительно ремнем. Отошел на достаточный разбег, и....

Мне удалось это с первой, как говорят спортивные комментаторы, попытки. Я был на другой крыше. Она ничем не отличалась от нашей. Та же смола, те же торчат железки. Но внизу было намного интереснее. Там, как я уже говорил, жили следователи дружки. И там же они допрашивали своих подопечных. Нам на их территорию просто так было не войти.

Я увидел двор, часть которого была покрыта мелкими камнями, точнее- щебнем. На нем, на коленях сидели шесть молодых арабов разного возраста. Руки у них сзади были связаны пластиком выими наручниками, глаза были завязаны

фланелевыми тряпками, которыми мы обычно чистили наши М-16ые. Около каждого стола бутылка с водой. Но взять ее, чтобы попить, они не могли. А солнце, израильское солнце, палило нещадно. Это были недавно привезенные арабы. Их ждали допросы и суд.

Когда я в прошлом году был здесь в милуиме, такого не было. Я говорю о малолетках, которых видел сейчас на коленях на камешках. Видимо, изощренные следователи друзы, усовершенствовали методы своей работы.

Пока я стоял и смотрел, из помещения вышел милуимник из военной полиции, подошел к одному арабу, взял бутылку с водой, немного полил тому голову, потом поднес бутылку ко рту араба. Тот жадно ухватился зубами за горлышко и стал втягивать в себя воду. Но длилось это недолго, милуимник вырвал бутылку и толкнул араба в лоб, отчего тот чуть не повалился на спину, но удержался. Милуимник подошел к следующему арабу. С ним проделал то же самое. И так, со всеми. После чего вернулся в помещение. Я еще полчаса наблюдал происходящее во дворе. Но ничего больше там не происходило. Кроме того, что эти малолетки, как могли, переминались коленями на своем пяточке. Сидеть на колючем щебне было нелегко.

Сколько должно было длиться такое сидение, я не знал. Меня удивило, что арабы не издавали никакого звука, не кричали, не ругались. Молча сидели на коленях, опустив голову под солнцем. На них была рубаха, брюки и сандалии.

Тем же прыжком я вернулся на свой пост. Очень пожалел, что у меня нет с собой фотоаппарата. Я выпил литровую бутылку, так сильно мне вдруг захотелось пить. Наверное, от увиденного.

До смены оставалось еще три часа. Я сидел в будке. Железная крыша нагрелась, и тепло от нее добавляло пекла. Я вылил на себя пол бутылки воды, потом вылил и остатки. Надо было чем-то занять себя, время текло медленно. Спать не хотелось. Я надел рубаху, летнюю солдатскую шапку, и быстрым шагом направился в сторону Бори.

Я рассказал ему, что увидел во дворе у друзов. Боря сказал, что ему тоже показалось, что там что-то не так. И он захотел увидеть всё собственными глазами. Мы приладили поплотнее к телу наши ружья, и удачно прыгнули на ту крышу.

Часа два прошло, как я впервые увидел сидящих на коленях арабов. Все те шестеро-они продолжали сидеть под палящим солнцем. Никто из них не свалился наземь, никто не потерял сознание. Они были похожи на камикадзе. Воспитательная работа у друзов была на высоте, это мы с Борей отметили сразу.

После дежурства, мы не пошли на обед-есть не хотелось. Мы приняли душ, и лежали в кроватях. В комнате было жарко. Мазгана не было, вместо него были два вентилятора, но жару они не разго няли. Я вспомнил- когда был в Узбекистане, там в такую же жару местные пригласили меня в чайхану. На помосте, устланном коврами, сидели деды и помоложе, одетые в толстые стеганные халаты, чапан по- ихнему, и пили чай из блюдечек. Блюдечек этих они выпивали много, и так, спасались от жары.

Я не поленился, сходил на кухню, заварил в чьем-то термосе чай, и когда он настоялся, мы стали его пить. Блюдечек у нас не было, пили из стаканов.

-Ты считаешь, -сказал Боря,- это законно вот так держать их на солнце, да еще на коленях на камешках?

- Мой ответ- не гуманно, да. Про законность, я не знаю, не сведущ. Но! Знаю только, что если надо добыть какие-то сведения, то в любом государстве следователи не церемонятся и применяют еще и не такие методы.

- Думаю, что и тут не церемонятся.

- Наверняка. Тем более, что друзья не любят арабов. А те их. Но чтобы добыть сведения...

- Блин, да эти малолетки, они же не шпионы!

- Это точно. Но когда мы с тобой едем домой, и думаем, что вот-вот на дороге может возникнуть гора камней, которая остановит тебя, и в тебя тут же полетят камни и может, что-то посерьезнее, тут ты не будешь рассуждать так как сейчас. У нас, Боря, у «совков» обостренное чувство справедливости.

- И что, по- твоему тут справедливо?

Я сказал Боре, что в такую жару, нет сил спорить, и продолжать эту тему. Тем более, что мы не совсем здешние.

Вечером на ужине у выхода из столовой, я столкнулся с тем самым милуимником из военной полиции, который просил меня подежурить на вышке, где гуляли заключенные, и я ему тогда отказал. Он еще сказал, что запомнит меня. Он узнал меня. Я в лоб спросил- сколько часов выдерживают малолетки на коленях?

Он не ожидал такого вопроса, и вначале растерялся. Потом лицо его стало злым, он посмотрел на меня, как на нечто странное, и шагнул наружу. Я догнал его через несколько шагов, повторил вопрос, и добавил, что это наверняка не тайна, раз я мог увидеть это с крыши.

Он сказал мне-во-первых, это совсем не мое дело, во-вторых, чтобы я не совал свой нос, куда не надо, и поменьше болтал.

Если бы он не ответил мне так зло, я, может быть, и отстал бы от него. Но меня разозлил его ответ, и я сказал-наверняка, эти методы-незаконны. И что друзья, они те же арабы, но он то – не друз.

Тут он еще больше разозлился. Остановился, приблизился ко мне вплотную, отчего я почувствовал его запах, и медленно выговаривая слова, сказал: «Эти самые друзья, спасают твою сраную жизнь. Смотрю, тебе жаль этих арабов. А они убьют тебя без всякой жалости, хоть и малолетки. Если их не сажать на камни, и не держать на солнце несколько часов, они ничего не расскажут, и тогда мы все будем в еще большей опасности. Об этом, вижу, ты совсем не подумал. Ты ищешь справедливости? Ты тут приезжий, не воевал с арабами, ты их не знаешь, и для тебя их интифада, это повод встретиться с собутыльниками и выпить. Так как вы тут служите, я бы давно посадил вас в тюрьму. А ты...не ищи себе приключений на жо.... И отвали от меня». Он слегка толкнул меня, как будто я загораживал ему дорогу, и пошел дальше.

Он меня смутил, этот мудака. Хоть он мне и не нравился, но дело было не в нем. Смутили его слова. Я действительно, хоть и был евреем, и жил тут уже несколько лет, и сам попросился в резервистскую службу- я все еще был приезжим. Он попал в точку. Если бы я тут родился, если бы участвовал хоть в одной войне...И что бы я сказал, если на меня, или моего родственника, друга, просто приятеля, напал араб? Как бы я тогда заговорил, искатель справедливости? Ответа у меня не было.

До конца милуима оставалось три дня. Многие из нас уже строили планы на будущее. Кто-то гадал, где будет следующий милуим? Кто-то сострил, что следующий будет тут же. Все засмеялись, а мне стало тошно от этой мысли. Я никак не хотел еще раз сюда. И уж на сей раз, я точно не подчинюсь, и сюда не поеду. Про себя я тоже немного подумал, что буду делать после милуима. Хорошо бы куда-то съездить, например, в Россию, на Алтай. Я стал думать об этом месте, где уже бывал, и где мне хотелось побывать еще. Я не заметил, как увлекся этими планами, и как я выстроил маршрут предполагаемой поездки. «Точно поеду», - дал я себе слово.

Когда мы вернулись с ужина, мы увидели на столе коробку. Эдри захотел открыть ее, но Рэмбо крикнул ему: «Не открывай, ты что, это же подозрительный предмет! Кто его принес?» -

Никто не признавался, Тогда Рэмбо встал с кровати и решительно направился к столу. Почему-то в одной руке он держал свой револьвер. Амирам пошутил: «Рэмбо, ты хочешь выстрелить в коробку?»

- Может и выстрелю. Я работаю в охране, у меня на такие дела нюх. Еще неизвестно что там внутри. Но я это сейчас проверю.

И не дожидаясь, когда кто-то предостережет его, что открывать не надо, Рэмбо быстро и решительно потянул крышку коробки торта вверх.

Там был торт. Настоящий. Большой. Пышный. Красивый. Большие глаза Рэмбо открылись еще больше, и он сказал: «Ну, чей это, признавайтесь!»

Все смотрели друг на друга и ждали ответа. Всем было интересно-кто купил торт и по какому поводу?

Никто не признавался. Вдруг Рэмбо посмотрел куда-то в глубь комнаты. Затем он подошел к кровати, где спал Дарэлл. Он растолкал его и спросил-торт твой?

- А-а-а...Торт? Да мой. Был мой, теперь ваш. У меня день рождения, так что...

Все стали поздравлять Дарэлла. А я вспомнил про бутылку джина, которую мы выпили. Это Дарелл приготовил на свой день рождения. А мы ее выпили раньше. Бывает...

Рэмбо вытащил нож, нарезал на куски, и стал раздавать каждому, кто был в помещении. Йоси посмотрел на Джорджа и сказал, что по такому случаю, можно было бы и выпить по чуть-чуть. Джордж сказал, разве Йоси не знает, что пить в казарме строжайше запрещено? Но если есть что-то совсем легкое, то, пожалуй, стопку выпить можно. Но только не вашу водку, нет. У кого-то нашелся брэнди. Решили, что это легкое питье и выпили по стопке.

Мы уже чувствовали приближение конца нашего милоуима. Как скачущая лошадь, приближаясь к дому, начинает бежать быстрее, чуя скорую конюшню, так и мы хотели побыстрее все тут закончить.

Днем мы снова с Борей дежурили на крыше. Когда по лестнице мы поднимались наверх, Боря сказал, что ему уже очень сильно осто.....эта лестница и эта крыша. Я был с ним согласен.

Поднявшись, мы разошлись каждый на свой пост. На сей раз, я был ближе к дворику друзей. Мне снова захотелось посмотреть, что там происходит, и я решил снова туда попасть. Но не стал делать этого сразу-у меня начало крутить в животе.

«С чего бы это-стал я вспоминать, – что я такого ел?» Кажется, тушеную капусту. Ну и что? Минут через десять живот вроде бы, успокоился, и я направился в нужную сторону. Снова приладил винтовку, разбежался, и вот я уже на их крыше.

На сей раз, на щебенке сидело четыре араба. Новые, свежие. В такой же позе на коленях, с повязкой на глазах, руки сзади завязаны, бутылка с водой рядом. Жара была чуть меньше, чем в прошлый раз, но достаточная, чтобы склонить их головы на грудь.

Я смотрел на них какие-то минуты. Вот вышел милуимник, подошел к одному, взял бутылку с водой и полил немного на голову араба. Потом отвинтил крышку бутылки, приблизил горлышко ко рту араба. Все то же, что и в прошлый раз. Затем он направился к следующему. По дороге, он вдруг повернулся в мою сторону и посмотрел на меня. Он меня почувствовал, сучара, и теперь смотрел на меня. А я на него. Он сделал мне жест рукой, он вытянул все пальцы вверх и только средний оставил согнутым. Это бы понятный жест на нашем ближнем востоке. Да и в Европе тоже.

В ответ, я сделал ему жест телом, точнее, нижней частью и рукой, как это было принято в России. Думаю, он понял. После чего он отвернулся и пошел дальше. Я узнал его, это точно был тот самый из военной полиции, которого я остановил у столовой и спросил про арабов, которых сажали коленями на камни.

Делать тут больше было нечего. Я повернулся, дошел до края крыши, разбежался и прыгнул. Дошел до своей будки, сел, и согнулся от сильной боли в животе. Так сильно заболело внутри, что я чуть не закричал. Такая вдруг резь меня пронзила!

Я почувствовал, что мне срочно надо в туалет, быстро побежал к краю крыши, и слетел по лестнице вниз. Спасибо, туалет был рядом, и я успел. Из меня полилось без остановки. Лилось и лилось. Когда, наконец, наступил перерыв, я увидел, что забыл винтовку на крыше. «Ну, ничего страшного, там Боря, и никто мою винтовку не заберет»

Меня еще несколько раз несло и несло. Из туалета я вышел на дрожащих ногах. Что я такого съел, что со мной такое? И не мог ничего вспомнить. Как отшибло память. Когда полез назад по лестнице, ноги сильно дрожали. Я думал-только бы не свалиться!

Но долез, и дошел до своей будки, сел на скамью, и сидел так, не двигаясь, с закрытыми глазами, проверяя, не начнется ли снова эта боль и резь. Я вспомнил, я ел торт Дарелла. А в столовой капусту.

Не помню, сколько сидел так. Может, даже задремал, но скорее всего, нет. Просто сидел, не меняя положения.

Потом посмотрел в один угол будки, другой, на стенки, всюду смотрел. Винтовки моей, М-16й, не было.

Утрата оружия очень серьезный проступок в израильской армии. Да еще и в таком месте, как тюрьма с арабскими террористами. Но такие мысли у меня были потом. А пока я никак не мог понять-куда делась моя винтовка?

Я пошел к Боре на его часть крыши и спросил его, не брал ли он мою винтовку? Боря посмотрел на меня серьезно и сказал:

- Это шутка?

- Да, нет, какая нах...шутка.

Я рассказал ему, как у меня схватил живот, и что было потом. Боря сказал-может, кто-то подшутил. Потом сказал-пошли. И мы пошли на мою крышу. Стали смотреть вокруг, искать пропажу. Но тут, на пустой крыше и спрятать негде было. Потом Боря сказал, спустись в комнату, спроси ребят, может они. И добавил, что если это шутка, то очень дурацкая, и за это можно и по лицу ударить. Боря употребил более простые слова, которые в этой ситуации точнее указывали на серьезность происшедшего.

Я спустился и вошел в комнату. Человек пять после и до дежурства лежали на койках. Я сказал, что должен был сказать. Что если это шутка, то она дурацкая, и пока не поздно.....Вид у меня был наверняка дурацкий.

Все встали с кроватей и сказали, что, разумеется, шутка очень дурацкая, и никто из них, да и наверняка, никто из наших, такого не сделает. Кто-то сказал, что я зря не взял винтовку с собой. Я оправдывался тем, что живот так сильно заболел, и что я боялся испачкать штаны, вот и побежал вниз, не думая. И вот еще что- живот перестал болеть, совсем перестал.

В это время зашел Джордж. Он сразу спросил-что случилось. Эдри сказал ему, что случилось. Джордж сначала даже не поверил. И сказал, что если хотят над ним пошутить, то очень неудачно. Но через пару минут, глядя на меня и остальных, понял, что это совсем не шутка.

Он не упустил возможности строго сказать мне, что разве меня не предупреждали, что оружие никогда и нигде нельзя оставлять без присмотра. Потом он спросил-искал ли я как надо, и потом, что он должен доложить об этом инциденте начальству. Затем он сказал, чтобы Эдри пошел на крышу додежурить за меня. Эдри стал собираться.

Вернулись с дежурства Йоси и Амирам. Когда они услышали эту новость, Амирам зацокал языком, а Йоси спросил Джорджа-докладывал ли он уже начальству? Джордж ответил, что как раз собирался.

- Подожди, - сказал Йоси, - немного погоди. Ничего не случится, если доложишь через полчаса. И мне-пойдем со мной.

«Думаешь на кого?», -спросил меня Йоси. «Да, вроде, врагов у меня тут нет. Потом, смотри, залезть на крышу можно только из дворика нашего корпуса. Значит, когда я слез в туалет, кто-то, кто видел, что я слез без винтовки, залез, и взял ее. Но я уверен, что из наших никто такой подлости сделать мне не мог. Выходит, это кто-то чужой. Но тут чужих не бывает, да и как этот чужой мог знать, что я слез без винтовки? Дичь, какая-то»

«Рассуждаешь ты логично, но винтовку кто-то взял, сама она не ушла. Я тоже не думаю, что это кто-то из наших. Но взял ее человек. Кто хотел сделать тебе подлянку. Ладно, пойдем дальше»

Йоси повел меня в корпус, где жили милуимники из военной полиции. Мы зашли к ним в комнаты. Там было человек десять, кто не дежурил в это время. Кто-то лежал на койке, кто-то сидел за столом. Йоси направился к пирамиде с оружием и позвал меня. Он сказал, чтобы я посмотрел тут, среди их оружия, вдруг и моя тут. Вначале на нас никто не обратил внимания. Но потом кто-то спросил, что мы ищем? Йоси рассказал, что со мной случилось, и добавил - если кто-то из ихних взял мою винтовку, это плохая шутка, и лучше ее исправить сразу.

Я вдруг сильно разозлился и сказал вслух, что если это так, то пусть принесет и поставит винтовку у нашего корпуса. И всё, я мстить не буду. Но если не вернет, тот кто взял, а я найду его, ему будет очень и очень плохо.

Йоси добавил, что с оружием не шутят, что мы тут в тюрьме находимся, и что меня ждет суд. Кто-то из военной полиции сказал, что я сам виноват, что оставил оружие без присмотра.

Он был прав, но я все равно посмотрел на него недобро и выругался по- русски. И мы ушли.

Мне все сочувствовали. Даже Джордж, который должен был доложить о пропаже, и сделал это. Через час меня вызвал начальник. Он сказал, что меня не извиняет, что я не служил тут срочную службу, и что меня предупреждали-никогда и нигде не оставлять личное оружие. И что мы находимся в тюрьме, и что винтовка могла попасть в руки заключенного, и что...

Я не удержался, и спросил-как это она могла попасть в руки заключенного? Он подумал секунду, и сказал, что, например, у нас помощник повара-араб. Он мог залезть на крышу, взять оставленную винтовку, и...

Я перебил его-зачем же вы держите тут в обслуживе арабов? Он ответил, что это дело начальства, и не мне решать эти вопросы. На что я сказал, что так и есть, но, если я найду, кто взял в мою винтовку, я сделаю из него калеку. Офицер помолчал, потом посмотрел на меня внимательно и сказал, что за это я точно могу пойти в тюрьму.

В общем, он сказал, что мне будет суд, и я пока отстранен от дежурств. И добавил, что понимает меня и сочувствует. И мы ушли.

«Кто же ее все-таки взял?» - вот что мучило меня, и что я не могу догадаться-кто? Что такое здешний военный суд, я не знал. Спросил Йоси. Он сказал, что мне присудят или штраф, или отсидеть в тюрьме какой-то, не больше месяца, срок. Я вспомнил, что говорил сын моего друга Петя в таких случаях - обидно...досадно...но ладно...

Йоси и Амирам дежурили на крыше. Они позвали меня и Борю. Говорили мало. Только Амирам иногда повторял: «Бл.....какой сука...ну, какой сука взял?!»

Боря посмотрел на меня и сказал: «Ну, что будем делать?» Я молчал. Йоси сказал: «Может, кто-то ночью подкинет винтовку? Я думаю, что это кто-то из военной полиции»

И тут меня осенило. Я вспомнил того, кто мне сказал, что запомнит меня, и кого я спросил про арабов, посаженных на камни. Я рассказал об этом. Йоси тут же встал, сказал Боре, чтобы он побыл за него на дежурстве, а мне –пошли со мной.

Я уже знал, куда мы идем. Йоси спросил-знаю ли я, как его зовут? Я ответил, что нет, но как он выглядит, я хорошо помню.

В комнате военной полиции, когда я описал этого парня, сказали, что он на дежурстве. Они дежурили внутри тюрьмы, и нам туда ходу не было.

Йоси сказал, что мы пойдем к начальнику и скажем ему, кого подозреваем. Мы направились в главный корпус.

По дороге встретили Джорджа, он остановил нас, внимательно посмотрел на меня и сказал-ты счастливый, твоя винтовка лежит у начальника. Йоси спросил его-кто? Джордж сказал, что честно не знает, и что суд мне все равно будет.

Мы все-таки пошли к начальнику. Йоси сказал, что наверняка присудят штраф. Дежурный офицер вернул мне винтовку. Я спросил его- кто взял? Он улыбнулся

и сказал, чтобы я радовался, что все обошлось легко, и чтобы я и не думал мстить. А то получу намного больше. И мы ушли.

Эта чертова М-16я стала мне вдвойне дорога. Я бы ее даже расцеловал. Когда мы вошли в комнату, там уже знали, что все обошлось. И все жали мне руку, и хлопали по плечу. А Рэмбо сказал, что, если я найду того кто это сделал, он поможет мне с ним разделаться, потому что так солдаты не шутят.

Амирам сказал- надо выпить, но никто его не поддержал.

Боря сказал: «Наверняка Джордж назначит тебя дежурить ночью, ну и меня заодно».

Йоси на следующий день узнал у друга Гадира, что винтовку взял именно тот, на кого я подумал. Он зашел в наш корпус пожаловаться Джорджу, что я был на их крыше, что является нарушением, именно в тот момент, когда я спешно спустился по лестнице и вбежал в туалет. Он заметил, что винтовки у меня нет. Далее, он залез на крышу, взял прислоненную к будке винтовку, спустился, не стал заходить в нашу комнату, и пошел к себе. Винтовку он отдал друзьям, а те передали ее начальнику. Еще Гадир сказал, что этого милуимника отправили в отпуск, учитывая мое обещание.

Как поется в той песне: «ну, так что ж тут говорить, что ж тут спрашивать...» С одной стороны, настроение у меня должно было быть хорошее. Но его не было. Эта история с винтовкой совсем испортила мне настроение. Йоси, Боря, Амирам, видя мою кислую рожу, говорили мне-да брось ты переживать -ну, обошлось же! Ну, будет суд, ну дадут штраф, ну подумаешь... Они даже сказали- если будет большая сумма, они скинутся.

Да я сам себя уговаривал- ну, подумаешь, насри и забудь. Но, нет, не выходило нас... В голове сидела мысль, что я зависим от таких случайностей, что какой-то мудака может так поступить со мной, что я как цуцик должен бегать по здешней территории, и просить вернуть мне оружие. И хоть сам был виноват полностью, но злость и разочарование меня не отпускали. У меня даже мелькнула мысль-а не отказаться ли вообще от милуима? Боря как будто угадал мои мысли.

Спросил меня-не хочешь ли завязать с милуимом?

На следующий день был суд. Меня вызвали в комнату начальства. Там сидели три офицера, один из которых был наш. Они представились, потом один из них, вероятно, главный, сказал- если я имею что-то против кого-либо из них, я могу сделать отвод. Я сказал, что никого из них не знаю, и ничего не имею против любого из них. Так что-судите.

Все длилось минут пятнадцать. Мне задали пару вопросов, потом объяснили суть моего проступка, или преступления (как хотите), и вынесли приговор: такая-то сумма штрафа, который можно заменить отсидкой в солдатской тюрьме четырнадцатью днями. Я выбрал деньги. Дали какой-то документ на платежку, и пожелали дальнейшей хорошей жизни. Когда я сказал им –до свидания, один из них сказал -я, как еще новоприбывший репатриант, могу эту сумму разбить на три платежа, не больше.

Когда я вошел в комнату, все обратили свои взоры на меня. Я понял их немой вопрос и сказал-кесэф.

- Кама?

Я сказал, что терпимо. И тут Джордж сказал-ладно, что ты секретничаешь, перестань. Мы сейчас соберем немного денег, и пусть эта история пойдет кибенимат!

Блин! Джордж, этот жирняга, которого я ненавидел, унижал, и вообще, сказал такое.

Я подумал, что могу пустить слезу и старался сдержаться. Потом кто-то сказал-ну, завтра последний день, кто сегодня дежурит у ворот?

Джордж хохотнул и сказал: «Последнее ночное дежурство в этом милуиме, я могу доверить только «русим», «турким», и «ле грузиним». Думаю, у них осталось ее что-то выпить напоследок. А мы все подойдем к ним, помочь. Вы не против, товарищ Лазарь?»